

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Карина Волк

по принуждению

Карина Волк

Падший Ангел. По Принуждению...

«Литнет»

2026

Волк К.

Падший Ангел. По Принуждению... / К. Волк — «Литнет», 2026

Однотомник. Внезапный звонок Григорьева взволновал меня. Его голос звучал гневно, требовательно, невероятно властно. Он не просил меня поздно ночью явиться в офис, а буквально требовал, дав мне всего час на сборы. Наша первая встреча прошла крайне неприятно, а я посчитала его самодовольным, надменным грубияном, он меня полоумной, закомплексованной малышкой. Но проработав у Никиты Павловича месяц, невольно сознала, что он настоящий, благородный, добродушный, порядочный мужчина, который вызывает уважение, почтение и что-то ещё... Более глубокое, но запретное чувство.— Добрый вечер, Никита Павлович, — смущённо прошептала я, закрывая за собой дверь. Мужчина с хмурым выражением лица сидел за своим рабочим столом и даже глаз не поднимая, с убийственной, унижительной холодностью, проговорил, — я думал ты ангел, Вероника. А ты... Григорьев внезапно поднял глаза и с таким пренебрежением, разочарованием посмотрел на меня.— Вернее, ты и есть ангел. Только падший. Что же ты сразу не сказала, что тебе так бабки нужны. Окаменела, утопая в чёрной бездне его глаз.— Я бы без проблем тебе помог. Ты же знаешь, что я истинный ценитель женской красоты. И готов платить. Обида душила изнутри.— Платить? За что? Григорьев вальяжно развёл руками.— Хватит, Ника, — рыкнул он. — Я знаю, кто ты такая и чем на самом деле зарабатываешь на хлеб. И знаешь, я готов платить.

© Волк К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава № 1. Вероника	5
Глава № 2. Вероника	17
Глава № 3. Никита	21
Глава № 4. Вероника	27
Глава № 5. Никита	31
Глава № 6. Вероника	35
Глава № 7. Вероника	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава № 1. Вероника

«У каждого мужчины где-то на свете есть женщина, созданная только для него. Она не лучше других, но она единственная, кто ему по-настоящему нужен. И у каждой женщины тоже обязательно есть такой мужчина. Мало кому выпадает счастье встретиться. Или же люди встречаются и проходят мимо, не распознав своей судьбы. Это тайна, у которой нет объяснений.»

Внезапный звонок Григорьева взволновал меня. Его голос звучал гневно, требовательно, невероятно властно. Он не просил меня поздно ночью явиться в офис, а буквально требовал, дав мне всего час на сборы.

Невероятной, непредсказуемый мужчина. Сегодня один, а уже завтра совершенно другой...

Боже! Рядом с этим мужчиной неотвратимо попадаю в водоворот...

Чувства, постыдные, греховные желания переполняют до самых краёв! Разум предупреждает, что между нами слишком огромная пропасть, которую невозможно преодолеть, но вместе с тем шальная душа требует его внимания, нежного взгляда, ласкового прикосновения.

Чёрт! Непредсказуемый. Властный. Жёсткий, но почему, когда смотрю в его глаза, уступаю. Да и он становится более мягким, покладистым. Запретный мужчина, но такой манящий. Его голос дурманен лишая возможности сопротивляться запретному, опасному влечению.

А сопротивляться нужно... Должна противостоять греховному соблазну.

Когда он смотрит на меня, ощущаю нежную дрожь. И в его глазах читаю страстное желание, привлекаю Григорьева.

Или мне только так кажется... Занимаюсь самообманом. Глупый ангелочек.

Наша первая встреча прошла крайне неприятно, а я посчитала его самодовольным, надменным грубияном, он меня полоумной, закомплексованной малышкой. Но проработав у Никиты Павловича месяц, невольно сознала, что он настоящий, благородный, добродушный, порядочный мужчина, который вызывает уважение, почтение и что-то ещё...

Более глубокое, но запретное чувство.

Что же я испытываю к тебе, Никита. Банальное влечение, греховную страсть или же настоящую, безграничную, безудержную любовь?

И что Григорьев испытывает ко мне... Страшно не желала попасть в его ловушку. Повесть в наше будущее, а потом стать лишь временной игрушкой. Трофеем. Чувствовала, что могу, сама того не заметив, влюблюсь в него, а что потом...? Разбитое сердце. Разорванные мечты. Сердце стремилось к Никите, но вот холодный разум предостерегал, призывая одуматься и вовремя остановиться.

Но как остановиться, когда сердце учащённо стучит от одного лишь проникновенного, пронзительного взгляда, который попадает в самую душу, поработав разум, зарождавая тайные желания, в которых стыдно даже признаться самой себе.

Сто это? Любовь? А может лишь мимолётное влечение, которое также стремительно развевается, как и появилось?

На самом деле секс — это мечта о несбыточном счастье. Сам секс, конечно, возможен — дурное дело не хитрое, но он не приносит ожидаемого счастья. Он только щекочет людям нервы, обещает блаженство, дразнит. Но не даёт. Секс — гимнастические упражнения. Тела сплетаются, словно дерущиеся друг с другом тараканы. Они пыhtят, сопят, трутся друг о друга, а главное — тыкаются разными своими частями. И все для того, чтобы сбросить напряжение, которое и возникло? то лишь из-за мыслей и мечтаний о сексе. Замкнутый круг — подумал, помечтал, напрягся и пошёл «сбрасывать». Все мазохисты. Ещё к сексу приплетают любовь. Я не знаю, как они связаны. Любовь — это когда ты чувствуешь другую душу. А влечение — это

влечение. Просто потребность, как голод. Некоторые получают от еды не меньше удовольствия, чем от секса. Но этого я тоже не понимаю.

Не могла отдаться человеку, лишь ради удовольствия. Наверно слишком романтичная особа, но такова я... Хочу чего-то большего, чем обыкновенная страсть, она может принести наслаждение телу, но вот душа остаётся пустой.

И только после встречи с Никитой внутри меня что-то вздрогнуло. Страшно признаться даже самой себе, но чувствовала, что если он слегка надавит на меня, чуть-чуть подтолкнёт к себе и всё... Спротивляться не смогу! Влечение – странная вещь. Вроде бы оно наше, но мы перед ним не властны. Вроде бы мы решаем, как нам поступать, но, на самом деле, влечение часто решает за нас, толкая на самые странные, безумные поступки.

– Добрый вечер, Никита Павлович, – смущённо прошептала я, закрывая за собой дверь.
– Что-то случилось?

Мужчина с хмурым выражением лица сидел за своим рабочим столом и даже глаз не поднимая, с убийственной, унижительной холодностью, проговорил, – я думал ты ангел, Вероника. А ты... Ты лишь..., – он презрительно фыркнул, словно увидел перед собой что-то противное, грязное, мерзкое.

Инстинктивно более пытливо взглядывалась в его лицо. В кабинете царила таинственно-мрачная атмосфера. Его недосказанность усиливала тревогу.

О чём он говорит? Откуда такой морозный тон? Неужели так сильно обиделся, что я сбежала из ресторана. Так он сам виноват. Что мне было делать? Ждать, когда его разъярённая девушка мне в волосы вцепиться. Устроить показательную драку?

Думала, что в сложившейся ситуации поступила здраво. Неужели Григорьев не одобряет мой поступок?

Григорьев внезапно поднял глаза и с таким пренебрежением, разочарованием посмотрел на меня.

– Вернее, ты и есть ангел. Только падший. Что же ты сразу не сказала, что тебе так бабки нужны? – Мужской голос становился брезгливо-тягучим, липким, невольно поёжилась, не понимая в чём меня обвиняют. – К чему все эти интриги? Или ты так цену себе набиваешь, так это совершенно напрасно.

О каких деньгах идёт речь? Что, чёрт побери, здесь происходит?

Ошалело заводи́ла глазами в поисках бутылки...

Он пьян. Точно пьян. Его разум поработил алкоголь, по-другому никак нельзя объяснить его безумные слова.

Окаменела, утопая в чёрной бездне его глаз. Холодный, надменный, даже жестокий...

Более пристально осмотрела его. Нет, здесь дело вовсе не в алкоголе.

– Я бы без проблем тебе помог. Ты же знаешь, что я истинный ценитель женской красоты. И готов платить, – с обжигающим равнодушием промолвил мой начальник, оценивая меня.
– Обещаю, что бабками не обижу. Ника, могу быть безумно щедрым покровителем. Но лишь одного терпеть не могу..., – он криво усмехался, – когда меня за идиота принимают.

Обида душила изнутри. Григорьев без стеснения изучал моё тело, словно оценивая.

Действительно, я товар. Трофей. Интересная, увлекательная, забавная игрушка для плотских утех. Раздражённо и обиженно выдохнула. Больно. Очень больно. Он не смотрел, Григорьев резал меня взором, жёстко полосовал.

Растерянно замахала ресницами. Его взгляд был слишком откровенным, так не должен смотреть начальник, так вправе смотреть лишь... Любимый мужчина на желанную, драгоценную женщину.

– Платить? За что? – Испуганно смотрела на разгневанного мужчину, который глядел на меня, словно я лот на аукционе. – Почему вы так говорите? Можете объяснить, что случилось? – Мучил и губил один единственный вопрос, чем заслужила такого отношения к себе? –

Вы хоть понимаете, что своим поведением страшно обижаете меня. Унижаете. Чем заслужила такое несправедливое, грубое обращение с собой?

Где оступилась?

Холодно. Равнодушно, но вместе с тем в глубине тёмных очей играл неподдельный азарт.

Пристально и озадаченно вглядывалась в непроницаемое, почти каменное лицо мужчины. Он предстал передо мной, как будто бы в маске. Нет больше той ласковой улыбки, нежные искорки мелькнули и моментально исчезли.

Проклятие! Что же происходит... Почему он так себя ведёт?

Вопросы лихорадочно кружились в моей голове

Григорьев вальяжно развёл руками.

– Хватит, Ника, – рыкнул он. – Я знаю, кто ты такая и чем на самом деле зарабатываешь на хлеб. И знаешь, я готов платить. Согласен, что такая девушка как ты дорого стоит. Признаю, что очень дорогая и горячая штучка.

Плотоядный взгляд блеснул в его очах. Боже, сколько же похоти, шальной страсти, безумного желания и ни грамма любви, уважения, доверия.

Мужчина вальяжно подошёл к двери в кабинете и непринуждённо закрыл её на замок. Пару приглушённых щелчков прозвучали, как выстрел пули.

Это вновь его очередная, но уже не смешная шутка? Кто дал ему права считать, что я продаюсь? Что сделала неправильно?

А почему, собственно, обвиняю лишь себя? Именно в себе ищу изъяны? Возможно, пора признать жестокую реальность, очевидность, от которой так старательно бежала. Григорьев лишь самодовольный, обеспеченный пижон, для которого женщина – это лишь игрушка.

Неужели невинный поход на ужин, который так плачевно завершился, послужим основанием чтобы его мнение изменилось?

– Что происходит, Никита Павлович? – Перепугано прокричала, ощущая, что оказалась в ловушке безжалостного зверя. – Я ничего не понимаю. Потрудитесь объясниться? В противном случае, я уйду. Слушаю вас. Очень внимательно, – разгневанно рыкнула, давая понять, что не позволю никому себя унижать.

Григорьев притягивал к себе. Играл со мной, как обаятельный паук с несчастной пчёлкой.

Многое готова простить, но только не ущемление моей гордости. Тем более я ничего плохого не сделала, никак себя не опорочила.

– Не забывайся, ангелочек. Ты никуда не пойдёшь. Такие как ты слишком любят лёгкие бабки. От моего предложения точно не откажешься, – уверенно процедил он. – Мой падший ангел. К чему вся это игра? Или ты реально думала, что твоя недоступность и независимость сможет покорить меня? На что рассчитывала? Надоело торговать своим телом? Захотела поймать рыбку покрупнее, чтобы разом решить все свои проблемы?

Град пошлых вопросов посыпался на мою несчастную голову, решая опоры.

– Это же так просто. Пришла и честно призналась. Ты же видишь как я на тебя смотрю. Как сильно хочу.

Григорьев хищно усмехнулся и, скинув со своих плеч пиджак, продемонстрировал накаченное тело, облачённое белоснежной, безупречной рубашкой.

Инстинктивно сделала пару шагов назад.

– Вероника, я люблю игры. Меня заводит, когда женщины строят из себя невинных девочек. Но всё имеет свой предел, – прорывал он, молниеносно сокращая между нами расстояние, властно и грубо прижимая меня к себе, ломая физически и морально. – У нас ещё будет время на игры. А сейчас я хочу тебя. Быстро. Жёстко, – вульгарно скомандовал Григорьев, нагло сжимая мою талию. – Давай, сучка, покажи мне, чему тебя научили. Ты же непросто так берёшь такие бабки за ночь.

Шокировано округлила глаза. От ужасающего страха не могла произнести ни единого протестующего возгласа. В моего начальника словно дьявол вселился. От прежнего галантного джентльмена, который восхищался мной, не осталось даже капельки.

– Сладкая девочка, – прохрипел он и яростно набросился на мои губы, лишая возможности сопротивляться.

Почувствовала властное, страстное прикосновение и оторопела. И не только от страха, но и от непростительного, предательского желания. Григорьев манил меня, привлекал. Такой мужчина просто не мог не вскружить голову невинной девочке, но... Эта страсть запретная.

Его страстные, жаркие губы взорвали моё сознание, никогда ничего подобного не ощущала, даже когда меня целовал Петька. Мой парень - лишь дилетант по сравнению с сильным, напористым, властным мужчиной, который не привык проявлять нежность и ласку. Он истинный беспощадный завоеватель, который вознамерился не покорить меня с помощью любви, а поработить, пользуясь силой.

Нельзя быть покорной. Обязана бороться, но где взять силы? Как противостоять Григорьеву?

Страх постепенно покидал меня, при сладострастном давлении мужских губ. Боже! Его губы такие горячие и страстные. На миг позабыла обо всех его ядовитых словах, подчинилась пленительному, искушающему мгновению. Слилась с этим опасных, жестоким, но дьявольски привлекательным мужчиной в единое целое...

К своему стыду, хотела ещё и ещё... Запретный вкус нежных, желанных губ дурманил голову. Григорьев оторвался от моих губ, внезапно разорвав поцелуй и с удовлетворением обнаружив в моих глазах желание, простонал, – молодец. Вот уже лучше, Вероника. Ты похотливая сучка, которая любит секс.

Робко замотала головой, медленно приходя в себя. Слезы застыли на моих глазах. Как он может так говорить, если я в свои двадцать лет даже никогда не видела обнажённого мужчину? Почему он считает меня продажной, вульгарной девицей? Чем заслужила такого несправедливого обращения к себе?

– Это неп..., – с моих губ лишь успели сорваться нечленораздельные слова, Григорьев вновь захватил властно в плен мои уста.

Мои протесты утихали под натиском горячей крови, которая пробуждала греховные чувства. Таила под упругими, опаляющими губами. Голова закружилась. Невероятно, но его властные губы охватывали не только плоть, но и мой разум. Вздогнула, когда наши языки соприкоснулись. В груди бушевала самая настоящая, неконтролируемая буря, которую мог усмирить только жестокий, безжалостный мужчина. Григорьев считал меня проституткой, хотя никогда ничего постыдного не совершила.

Острые импульсы от обжигающей обиды пробудили меня от дурмана, собралась с силами и что было мочи, оттолкнула от себя похотливое животное.

– Не смей меня трогать, мерзавец, – озверело прорычала и звонко ударила подонка по щеке. – Никто не даёт тебя права так со мной разговаривать.

Григорьев явно не ожидал такой враждебной реакции. Мужчина медленно провёл пальцами по покрасневшей щеке, со звериным оскалом блуждая по мне вульгарным взором.

– На первый раз, – озлобленно рыкнул он, – прощаю. Но в будущем несколько раз подумай, прежде чем поднимать на меня руку. Или в противном случае, киска, тебе придётся дорого заплатить за своё неповиновение.

Рывок — и Григорьев одним быстрым движением хватает меня за талию, пытаюсь вырваться, яростно бью мужчину по широкой груди, но сопротивление бесполезно.

– Успокойся, – разъярённо прошипел он, грубо усаживая меня на край стола. – Хватит. Подумай о судьбе брата. Я много чего могу предложить тебе, взамен прошу лишь малость.

Сердце замерло. Смотрела в ледяные, циничные глаза Григорьева и не могла поверить своим ушам.

Безумная страсть, животная похоть владели его разумом. А что владело мной? Где моя гордость? Женское достоинство? Не могла получать удовольствие от принуждения...

– Пусти меня, чудовище? Ты безумен.

– Возможно, – а вот теперь он игриво промурлыкал, превращаясь в дрессированного тигра, который лишь на время притаился. – Но тебе же нравится, киска. Я готов платить. И буду тебя содержать. Но предупреждаю, что пока ты со мной, другие мужики даже пальцем тебя не тронут. Поняла? – Григорьев резко схватил меня за волосы и, вынудив наклонить голову, хищно покривил губами. – Узнаю, что продолжаешь трахаться с другими и тебе не сносить своей прекрасной головы.

Смотрела на него как затравленный зверёк на удава.

– А теперь довольно разговоров, Ника. Я хочу попробовать свой товар, – он надменно усмехнулся, продолжая осыпать меня оскорбления, не позволяя даже слова оправдания, сказать в ответ. – Хочу убедиться, что ты стоишь тех денег, которые готов тебе платить. Говорят, что ты искусная девочка. У тебя даже импотенты получают шанс.

Прижала ладони к его горячей груди, свирепо сжала пальцы, неистово царапая ногтями его кожу.

– Ты безнадёжный импотент. Здесь любая женщина беспомощна, – сама не знаю, откуда во мне появилась такая пошлость, никогда так не говорила с мужчинами, но с этим человеком по-другому нельзя.

Григорьев рушил все мои надежды, смотрела на него, как на несуществующий экземпляр настоящего мужчины, который никогда не будет со мной. Понимала, что мы из разных миров. Я для него серая мышка, он же властелин мира. Но всё это время Григорьев изображал из себя джентльмена, доказывал мне, что я личность, с которой ему интересно... Открывал новый мир, дарил уверенность, позволял цвести. Поверила, что я цветок, а вовсе не сорняк.

И вот теперь он всё разрушил. Растоптал меня. Унизил. Показал всю отвратительную гнилость своей души. Безумный богатый мужчина устал добиваться серой мышки и просто решил воспользоваться ситуацией. Конечно, зачем тратить время, если можно просто купить, запугать, принудить.

– Я думала, что ты другой, – смело глядя в его искажённо от ярости и сумасшедшей страсти лицо, разочаровано и обречённо провозгласила. – А ты... ты... ты..., – голос срывался на хрипоту, не хватало дыхания, острая боль сковывала меня, забирая последние силы.

Григорьев равнодушно усмехнулся.

– Я тоже думал, что ты другая, Вероника. Ловко ты меня провела. Заставила поверить, что ты чистая, невинная девушка, а на самом деле коварная, похотливая дрянь. Даже страшно представить скольких мужиков ты обслужила в этом клубе, – внезапно его голос дрогнул, сожаление мелькнуло в звериных глазах.

– Никита Павлович, вы меня с кем-то перепутали. Я не хожу по ночным клубам, – изменила тон, стремясь вернуть его в реальность и вырвать из объятий туманной лжи.

– Не лги, дрянь, – все мои попытки растворились, его невозможно остановить. – Я слишком хорошо знаю тебя. Твою грудь. Бёдра. Твоё шикарное, но похотливое, продажное тело никогда не перепутаю, – вынес он мне несправедливый приговор и вновь лишая возможности говорить, яростно накрыл мои ладони, грубо сжимая моё тело.

Поцелуй доминанта. Никакой любви, нежности и ласки. Он хозяин, я товар.

Внезапно его руки скользнули, и он нагло обхватил пальцами меня за филейную часть, резко прижимая к своему возбуждённому паху. Чувствовала, как становится горячо, словно мы оказались в печи.

– Ты очень сексуально вертела своей полуголой задницей, привлекая внимания голодных мужиков, – уверенно констатировал он.

Григорьев сходил с ума от ревности, или мне это лишь, казалось.

– Пусти меня, ублюдок. Перед тобой я задницей вертеть не буду.

Мерзавец ухмыльнулся.

– А вот здесь ты ошибаешься, сучка, – его большой палец надавил на мои губы. – Ты будешь вертеть передо мной задницей. И сама будешь отчаянно вертеться на моём члене. Это я тебе обещаю.

Озлобленно сверкнула глазами и, сильно сомкнув зубы на его пальце, воспользовавшись минутной растерянностью, оттолкнула Григорьева от себя и со всех ног побежала к двери.

Сердце бешено билось в груди. Проклятие! Умудрилась устроиться на работу к безумному маньяку.

Лихорадочно открыла замок и когда уже распахнула дверь, приобретя ложную надежду, что сбегу, услышала роковой, последний выстрел, который сорвался с губ проклятого начальника, который стопроцентно был одержим дьяволом. А, возможно, сам был предводителем бесов.

– Беги. Только прежде подумай о брате.

Нужно бежать, впервые он предложил что-то дельное, сделала шаг вперёд и вновь услышала звериное рычание из самого ада.

– Тебе нужны деньги. Без них твоего брата не спасти.

Ноги затвердели...

Судорожно дыша, поправляя рубашку, повернулась к нему.

– Что вам от меня надо? Зачем так поступаете. Говорю же, что произошло недоразумение. Никита Павлович, клянусь. Я порядочная девушка, – обжигающие слёзы ручьём потекли из глаз.

На мгновение в глазах Григорьева отразилось сожаление, милосердие пробивалось сквозь пелену злости и ненависти.

– Порядочная девушка, – разочарованно повторил он, неспешно беря бутылку виски. – Правда? Хотя в чём-то ты права. Днём ты порядочная девушка, которая строить из себя недоτροгу, – он на время замолчал, непринуждённо разливая алкоголь по стаканам. – А по ночам обслуживаешь богатых мужиков, – опустошённо смотрела как Григорьев неспешно поглощает алкоголь.

Невозможно пробиться к его затуманенному разуму. В трезвом состоянии Григорьев вёл себя как кровожадное чудовище, что будет делать, когда виски ударит в голову? Инстинкты требовали бежать, спасти себя, но мысли о братике вынуждали оставаться на месте. Без денег Григорьева мне брата не спасти...

– Если уйдёшь, то завтра на работу можешь не выходить, падший ангел, – твёрдо озвучил он, плавно ставя стакан на стол. – Выбор за тобой, Вероника. Я даю тебе прекрасный шанс. Тебе больше не придётся продавать своё тело грязным, похотливым мужикам. Твоим покровителем буду я.

Покровитель или повелитель? Есть разница. Большая разница.

Не дожидаясь моего ответа, считывая мою заторможенную реакцию, Григорьев подошёл к двери и громко захлопнул её.

Вновь оказалась в ловушке, только вот выбор сделала сама.

– Что вы от меня хотите?

Григорьев снисходительно выдохнул.

– Мне повторить. Хорошо, киска, – мужчина наклонился ко мне, теперь наши лица были на одном уровне. – Готов более ясно озвучить весь свой преискуронт.

Нервно сглотнула, слегка приоткрывая рот, чувствуя, что из меня словно выбили весь воздух.

– Я хочу кончить на это красивое лицо.

Краска стыда заполыхала на моих щеках. Ничего подобного ранее не слышала. Жутко смущалась и безумно стыдилась.

Григорьев уловил мой невинный посыл.

– Удивительно, Вероника. У тебя просто врождённый талант. С таким колоссальным сексуальным опытом ты продолжаешь изображать саму невинность. Но сегодня я окончательно осознаю, что ты лишь банальная шлюха.

Он судорожно отошёл от меня.

– А теперь пришло время доказать, что ты стоишь своих денег, – Григорьев непринуждённо опустил пальцы на ремень. – Начнём с банального и самого простого.

Мои глаза расширились.

– Я не могу.

– Можешь, – его пальцы лихо расправились с застёжкой ремня. – И очень хочешь. Согласись, Вероника, лучше трахаться с одним мужиком. Чем подставлять своё тело множеству похотливых стариков.

ГЛАВА № 1.

Новогодний корпоратив в пентхаузе на сорок пятом, а я, как всегда, опаздываю. Чёрное платье, которое я купила на последние деньги, оказалось оружием массового поражения: обтягивало каждый сантиметр, а декольте было таким глубоким, что я чувствовала дуновение кондиционера в самых неожиданных местах. Лифт — единственный путь наверх — сиял полированной сталью.

Я влетела в него на высоких каблуках, едва не споткнувшись, и услышала спокойный мужской голос, – позвольте

Таинственный незнакомец уже был внутри. Высокий, в идеально сидящем тёмно-синем костюме, без пиджака, с развязанным галстуком на шее. Взгляд — оценивающий, но не наглый. Невольно кивнула, проскользнула в угол и нажала кнопку «45». Его палец, длинный, с аккуратным маникюром, протянулся рядом и нажал «48». Мы стояли спиной друг к другу, отражаясь в зеркальных стенах. Он пахнул чем-то древесным и холодным, как зимний лес.

Лёгкое возбуждение охватывало моё невинное, неискушённое тело.

Лифт плавно понёсся вверх. Робко поправила прядь волос, поймала его взгляд в отражении. Он смотрел. Не на лицо. На декольте. И в животе у меня ёкнуло что-то тёплое и тревожное.

Какой же красивый мужчина? Безумно красивый...

И вдруг — резкий скрежет, толчок. Свет моргнул и погас, оставив лишь тусклую аварийную лампочку где-то у пола. Лифт замер. Тишина стала густой, физической.

– О, чёрт, — вырвалось у меня. Сердце колотилось где-то в горле.

Испуганно водила глазами из стороны в сторону. Никогда не страдала клаустрофобией, но застрять в лифте, мало приятное удовольствие.

– Похоже, нам не повезло, — произнёс мужчина. Голос был спокойным, почти довольно. Очаровательного незнакомца явно забавляла ситуация.

Нервно рассмеялась. Звук был неестественным, пронзительным в этой маленькой стальной коробке.

— Вы не представляете, как мне «повезло». Я и так опаздываю на главную вечеринку года, — стараясь источать веселье и беспечно, промолвила.

– Я тоже, — сказал он, поворачиваясь ко мне.

В полумраке его черты стали резче, глаза — тёмными безднами. — Но, возможно, это знак. Стоило бы замедлиться. Бездна завораживает, манит, но никогда не принесёт ничего хорошего.

Он потянулся к внутреннему карману пиджака, висевшего на сгибе его руки, и достал... маленькую плоскую бутылочку шампанского, ту самую, что дарят в бизнес-классе.

Невольно усмехнулась предусмотрительности красивого мужчины.

— На крайний случай, — пояснил он, и в уголке его губ дрогнула улыбка. — Кажется, случай более чем крайний. А вы как считаете?

Он открыл проволоку, большой палец ловко поддел пробку. Тихий хлопок отозвался гулким эхом. Он протянул бутылку мне.

— Дамы прежде всего. Для храбрости.

Без доли сомнения взяла, поражаясь собственной смелости, которой ранее никогда не отличалась. Наоборот, очень сложно строила отношения с молодыми людьми, всегда была крайне требовательной, может быть именно по этой причине до сих пор одинокая. Пальцы наши соприкоснулись. Искра. Глупая, банальная, но настоящая, пробежавшая по коже. Я откинула голову, сделала большой глоток. Игристая прохлада разлилась по горлу, потом тепло пошло внутрь.

— Спасибо, — прошептала я, возвращая бутылку. Наши взгляды встретились и зацепились. Он пил, не отрывая глаз от меня. Следил, как я непроизвольно облизываю губы.

Тишина снова нависла, но теперь она была иной. Наполненной запахом его парфюма, моих духов, шампанского и чего-то ещё — чистого, животного напряжения. Я видела, как движется его кадык, когда он глотает.

— Как тебя зовут? — Спросил он, ставя бутылку на пол.

— Вероника, — молниеносно проговорила, а затем улыбнувшись, окончательно поборов природную робость, добавила, — для друзей, просто Ника.

— Никита.

Он сделал шаг вперёд. Пространства было так мало, что между нами осталось всего сантиметров тридцать. Жар от его тела достигал меня сквозь тонкий шёлк платья.

— Ты знаешь, Вероника, — его голос стал низким, бархатным, — в этом чёрном платье... ты выглядишь как грех, который очень хочется совершить.

Сердце встрепенулось, словно раненая птичка, которая получила долгожданную надежду.

Я должна была засмеяться, отшутиться, отступить. Но ноги не слушались. Я чувствовала его дыхание на своей коже, в том самом декольте. Соски напряглись, больно упёрлись в ткань. Он это видел. По его лицу пробежала тень удовлетворения.

— Мы... мы не должны, — выдохнула я, но это прозвучало как приглашение.

— Почему? — Он прикоснулся кончиком пальца к моей обнажённой ключице, повёл вниз, к началу расщелины между грудями. — Лифт сломан. Мир остановился. Никто не узнает.

Его палец был шершавым, тёплым. По телу побежали мурашки. Я зажмурилась. А когда открыла, его губы были в сантиметре от моих.

Первый поцелуй был вопросительным. Лёгкое прикосновение. Испытание. Я ответила. Следующий — уже не был вопросом. Это было заявление. Его язык властно вошёл в мой рот, вкус шампанского, мужчины, чего-то запретного смешался. Я вскрикнула в его рот, вцепилась пальцами в его рубашку. Он прижал меня к холодной стене лифта, и контраст температур — ледяная сталь в спину и жар его тела спереди — заставил меня вздрогнуть.

Его руки скользнули по моим бокам, обхватили талию, потом одна ладонь упёрлась в стену над моей головой, а другая... другая потянула молнию на моём платье. Сухой, резкий звук «з-з-з-з-з» оглушительно громко прозвучал в тишине. Платье ослабло, сползло с плеч,

обнажив бюстгальтер на косточках, который теперь лишь подчёркивал и без того откровенный вид.

— Боже, ты красивая, — прошептал он, и его губы спустились с моего рта на шею, к ключице, ниже. Он захватил зубами кружевной край бюстгальтера и стянул его вниз. Грудь выплеснулась наружу, и его горячий, влажный рот закрылся вокруг соска.

Я вскрикнула, запрокинув голову. Острая, сладкая боль пронзила меня от соска до самой промежности. Я схватилась за его волосы, не зная, оттолкнуть или прижать сильнее. Он сосал, кусал, ласкал языком, переходя с одной груди на другую, а его свободная рука задрала подол моего платья. Его пальцы нащупали край моих трусиков, тонкого шёлка.

— Никита..., — сладострастно простонала я, уже не в силах притворяться. Тело кричало «да», пульсировало в такт его прикосновениям.

Плевать на невинность, которую так отчаянно хранила для единственного и неповторимого. Не могу остановиться. Развратное желание слишком сильное и неконтролируемое.

— Я знаю, — пробормотал он в мою кожу. — Я знаю.

Одним резким движением он сорвал с меня трусики. Ткань порвалась с тихим шелестом. Его пальцы немедленно нашли меня там внизу. Я была мокрой, готовой, раскрытой. Он провёл одним пальцем по всей длине, собрав влагу, потом медленно, невероятно медленно ввёл его внутрь.

Мои ноги подкосились. Он поддержал меня, прижимая к стене своим телом. Палец двигался внутри, сначала один, потом добавился второй. Глубоко, с отточенным знанием дела, находя каждую чувствительную точку. Я стонала, прикусывая губу, чтобы не кричать. Звук наших прерывистых дыханий, влажных поцелуев и тихого хлюпанья его пальцев был откровеннее любой порнографии.

— Хочу тебя, — выдохнул Никита, и в его голосе впервые прозвучала хрипотца, сброшенная маска контроля. — Сейчас. Здесь.

Он отстранился, чтобы растянуть ремень, ширинку. Я помогала ему дрожащими руками, торопясь, задевая пуговицы. Его член выскользнул наружу — твёрдый, горячий, пульсирующий в моей ладони. Он был большим, с толстыми прожилками. Я обхватила его, провела большим пальцем по чувствительной головке, и он резко выдохнул.

Удивительно, будучи совершенно невинной девушкой, ловко доставляла удовольствие совершенно незнакомому мужчине...

— Нет, так я не выдержу, — он отстранил мою руку. — Повернись.

Никита развернул меня лицом к стене. Моё отражение в потускневшем зеркале было размытым пятном: растрёпанные волосы, обнажённая спина, платье, спущенное до талии. Его руки легли на мои бедра, большие пальцы впились в плоть. Он приподнял меня на цыпочки, направил себя.

И вошёл. Ждала боли, но её не было. Лишь одно сплошное, безграничное удовольствие, в котором растворялась. Утопала.

Не с постепенной нежностью, а одним долгим, неумолимым, заполняющим всё толчком. Я закричала. От неожиданности, от полноты, от того, как он растягивал меня, доставая до самого предела. Он замер на секунду, давая мне привыкнуть, его грудь прижалась к моей спине, губы к уху.

— Хорошо? — Прошептал он, и это было не просто слово, а вибрация, бегущая по моим нервам.

— Да... Боже, да...

Он начал двигаться. Сначала медленно, вынимая почти полностью и снова вгоняя в себя. Каждый толчок заставлял моё тело прижиматься к холодной стене, соски тёрлись о металл. Потом Никита ускорился. Ритм стал жёстче, яростнее. Его яйца шлёпались о мою

промежность при каждом вхождении. Звук нашего секса — влажные, звонкие удары, хриплое дыхание, мой сдавленный стон — заполнил кабину.

Одна его рука осталась на моём бедре, сцепившись мёртвой хваткой, другая обвила мою талию и опустилась вниз, к тому месту, где наши тела соединялись. Его большой палец нашёл клитор и начал давить, водить кругами в такт его толчкам.

Меня накрыло. Оргазм подкрался неожиданно, волной, смывающей все мысли. Тело сжалось вокруг его члена, конвульсируя в беззвучном крике. Я задрожала, мои ноги окончательно подкосились, и он удерживал меня на весу, не прекращая движения, становясь только жёстче, быстрее, глубже, чувствуя мои внутренние спазмы.

— Ника... — его голос сорвался. — Я сейчас...

Он вынул член в последний момент. Горячие струи выплеснулись на мою спину, на спущенное платье, на стену лифта. Он тяжело дышал, прислонившись лбом к моему плечу. Мы стояли так, связанные, в лучах тусклого аварийного света, в запахе секса, пота и шампанского.

Тишина вернулась. Только теперь она была сытой.

Он осторожно выпустил меня. Я, дрожа, повернулась, пытаясь подтянуть платье. Он достал из кармана пиджака платок — шёлковый, безупречно белый — и молча начал вытирать мою спину, мои бёдра. Движения были неожиданно нежными.

Внезапно лифт дёрнулся. Свет вспыхнул, яркий, слепящий. Мы зажмурились.

На табло замигала цифра «45». Двери с мягким шелестом разъехались.

Я увидела яркий свет люстры, услышала смех, музыку. Порог вечеринки был в двух шагах.

Никита посмотрел на меня. На его лице была смесь изумления и чего-то похожего на сожаление. Он поднял с пола мои порванные трусики и сунул их в карман своего пиджака. Потом протянул мне маленькую визитную карточку.

— На случай если застрянешь ещё раз, — сказал он, и его губы тронула та же самая улыбка, что была в начале.

Я взяла карточку. Не глядя на неё, я вышла из лифта. Платье на мне было застёгнуто криво, волосы — растрёпаны, под ним — ничего. Я шагнула в шум праздника, чувствуя на коже его прикосновения, липкость его семени под тканью, дикую пустоту внутри, где только что был он.

Двери лифта сомкнулись за моей спиной, увозя его на 48-й этаж. Я обернулась. На прощание. В отражении в полированных дверях я увидела свою улыбку. Растрёпанную, виноватую, совершенно счастливую.

Вечеринка только начиналась...

Вздрыгнула и, испуганно распахнув глаза, обнаружила, что нахожусь в своей кровати абсолютно одинокая. Что же за наваждение такое? Один и тот же сон преследует меня.

Выдохнула и, встав с кровати, накинув на себя халат, покинула спальню.

— Доброе утро, родная, — нежно проговорила мама, судорожно собираясь на работу.

Огорчённо посмотрела на Виолетту Владимировну. Боже! Сколько же трудностей и бед выпало на её долю. Мало того что отец бросил нас после того, как устал бороться за жизнь моего братика, так ещё и здоровье Степана ухудшилось.

— Дорогая, ты сегодня пойдёшь на собеседование?

— Да. Конечно, — моментально ответила.

Мы крайне нуждались в деньгах, приходилось брать за любую подработку, только вот студентка строительного университета с незаконченным образованием мало кого интересовала. И вот мне выпал счастливый случай. Подруга с помощью своего влиятельного отца договорила трудоустроить меня на полставки в солидную, известную строительную компанию. И вот сегодня у меня собеседование...

Захожу в огромное здание и невольно вспоминаю свой странный, но невероятно волнующий сон.

Боже! Глупости какие...

Решительно захожу в лифт и моментально обнаруживаю в углу приятного, довольно молодого мужчину, который сказочным образом напоминал моего героя-любownika.

Шокировано застыла.

– Доброе утро, – пропищала я.

Мужчина бегло осмотрел меня и равнодушно кивнул.

Смущённо выдохнула и нажав на кнопку «45», обескуражено пробежалась глазами по стальной коробке.

Лифт устремился вверх, а я, прикрыв глаза, постаралась успокоиться и прийти в себя. Это лишь нелепое совпадение. И вдруг движение прекратилось.

Проклятие.

– Какого чёрта, – разгневанно выругался незнакомец, как только свет потух.

Интенсивно задышала.

– Девушка, что с вами? Всё хорошо? – Взволнованно прошептал он, нежно обхватывая меня пальцами.

Ощущала его тепло и шокировано прижималась к нему спиной, но затем «взяв себя в руки» резко дёрнулась и громогласно прокричала, – не смей приближаться ко мне, извращенец.

Стремительно развернулась, но даже в темноте заметила, как хищно блестят его глаза.

– Малышка, у тебя с головой проблемы, – утвердительно констатировал он. – Если у тебя страх перед замкнутыми пространствами, то в лифте ездить не следует.

Гневно взмахнула головой.

– Без вас разберусь. А вы не смейте свои руки распускать.

Наглец звонко усмехнулся, и мгновенно свет включился, и лифт вновь тронулся.

Теперь видела его дьявольски прекрасное лицо.

– И я вам не малышка, – буркнула я, стремясь заполнить тишину.

Наглец брезгливо поморщился.

– Вы по какому поводу сюда явились?

– А вам какое дело?

Мужчина непринуждённо пожал плечами. Его оценивающий взгляд скользнул, по моему, очень скромному наряду.

– Очень надеюсь, что вы не на работу пришли устраиваться.

– Надейтесь.

Высокомерный наглец гневно поморщился.

– Малышка, а тебе никто не говорил, что дерзить взрослым дяденькам не стоит.

– А вам никто не говорил, что взрослые дяденьки не должны распускать свои похотливые ручки, – демонстративно вытянула пальцы и театрально ими затрясла.

Через секунды лифт остановился и двери распахнулись.

Гневно усмехнулась и стремительно выскочила в коридор, будучи уверенной, что более никогда не увижу надменного нахала.

– До скорой встречи, малышка, – холодно и самоуверенно проговорил он, пока двери закрывались.

Обескураженно замотала головой.

Чёрт! С самого утра день не задался. Кругом один сплошной провал.

Сердце лихорадочно билось в груди...

Точно не к добру встретила с этим нахалом в лифте. Против моей воли в памяти всплывали события моего сна. Образ мужчин был почти расплывчатый, а вот само событие слишком хорошо помнила. Боже! Наваждение какое-то...

Правильно говорит моя подруга, что от недостатка секса у меня «крыша» поедет. Может меня реально переполняла сексуальная энергия и таким образом, с помощью сновидения она вырывалась наружу...

Но сон, казался таким реальным, словно наяву. И это роковая встреча, взбудоражила мой разум, всколыхнуло тело, переполошило душу.

Так! Соберись, Вероника. Ты пришла сюда на работу! Дала себе мысленно установку, от которой не собиралась отступать.

Вперёд. Только вперёд. И ни шагу назад...

Надо полюбить это состояние постоянной борьбы и преодоления. Надо, действительно, полюбить трудности и препятствия. Надо, духом восставши, чувствовать радость, встречая волны идущих препятствий и горы препятствий, встающих на трудном пути.

Робко замерла возле дубовой двери начальницы кадров.

А что если мне откажут? Не примут.

Высоко подняла голову и уверенно выпрямила спину.

Один из наиболее трудных уроков для людей – принятие факта, что не все из задуманного будет осуществлено. Слишком часто они будут рассматривать возникающие на их пути препятствия как некие камни преткновения, которые надо преодолеть любой ценой. Между тем, если бы они прислушались к голосу интуиции и мудрости, им было бы легче решить, стоит ли идти напролом, быть может, предназначение препятствий – направить их на другой, более подходящий путь. Это помогло бы избежать неприятностей или разочарований.

Глава № 2. Вероника

«Вся прелесть розы на кусту
 Ещё бутонами богатом,
 Пленяют, на свою беду,
 Цветы красой и ароматом.
 Не унимается душа,
 Цветы прекрасные ей милы,
 Но от жестокого ножа
 У роз нет для защиты силы.»

Собравшись с мыслями, выпрямив спину, зашла в роскошный, светлый, просторный кабинет начальника отдела кадров.

– Доброе утро, – вежливо поприветствовала строгую женщину.

Дама непринуждённо приподняла голову, оторвавшись от экрана компьютера, и вальяжно указала рукой на кресло.

Кивнула и, судорожно сжимая в руках рюкзак, робко присела и буквально утонула в кожаной мебели. Вокруг витало богатство, роскошь. Всё то, к чему я совершенно не привыкла. Всегда считала себя посредственной, невзрачной личностью, а теперь под пристальным взглядом властной, самоуверенной женщины лишний раз убеждалась, что такая, как я, не создана для работы в таком престижном месте.

Крепко сжала пальцы в маленькие кулачки.

– Вероника Владимировна, – с пафосным официозом провозгласила она, медленно снимая брендовые очки с лица, – нам вас порекомендовал уважаемый человек. Мнение Назар Аркадьевича очень важно для нас. Но вы должны помнить, что долго пользоваться покровительством Миронова, вы не сможете. Если не докажете, что являетесь профессионалом, то мы быстро с вами расстаемся.

Обида ущипнула моё сердце. Точно не собиралась пользоваться покровительством отца подруги, но вслух произносить ничего не стала, лишь несмело помотала головой в знак полного согласия.

– И ещё, Вероника Александровна, предупреждаю вас, что у нас серьёзная организация мирового уровня. Мы дорожим своей репутацией.

Дама интенсивно замотала головой.

– Человек с подмоченной репутацией подобен болоту — один неверный шаг в общение с ним и затянет трясина. «Репутация– фактор железный», она создаёт шлейф надёжности... Однако это не меняет реальности. А бывает и так, что ты испытываешь разочарование, тебе очень горько, но после понимаешь, что, за чем, и почему так, а не иначе. И научаешься доверять по-новому, и видишь всё в ином свете, и веришь по-другому и любишь тоже по-иному...

Озадаченно приподняла брови. Зачем она мне этого говорит? Как я могу навредить их репутации?

– Понимаю, Ольга Владимировна. Я пришла сюда работать. И тоже считаю, что репутация – это очень важно.

Женщина таинственно обвела меня оценивающим взглядом, словно изучая каждую мою черту, давая оценку.

– У красивых женщин часто плохая репутация. И не потому, что они аморальны. Просто они живут не так, как хотелось бы другим..., – от её внезапного заявления, невольно усмехнулась, плохо осознавая почему она так говорит.

Где я? А где красивая женщина? Она издевается надо мной...

– Возможно, Ольга Владимировна. Только мне это точно не грозит. Особой красотой и привлекательностью не обладаю.

Женщина озадаченно округлила глаза, интенсивно постукивая длинными красными ногтями по дубовому столу.

– Почему же не грозит? – Злорадно прошипела она, считая, что я, лишь набивая себе цену, и кокетничаю. – Вы весьма привлекательная девушка. Молодая. Стройная, изящная. Вы на себя наговариваете. Или же просто кокетничаете.

Комплименты звучали скорее, как ирония, ну не могла она действительно так думать. Я самая обыкновенная серая мышка, страдающая заниженной самооценкой, которая стремится лишь к одному, помочь своей семье.

– Спасибо. Но я так не считаю.

Ольга Владимировна ядовито взмахнула губами. Внешне она была довольно симпатичной женщиной, но её холодная надменность отталкивала.

– Ладно. Минутку, – женщина не стала более вгонять меня в краску и переключив своё внимание, схватила трубку телефона. – Алло, Наташа, доброе утро. Скажи, а Никита Павлович уже пришёл? – По всей видимости, секретарша подтвердила, что он пришёл. – Отлично. Буду у вас через пять минут. С кандидатом. Да. Да, – впервые увидела, как она улыбается, только вот её улыбка совершенно не источала свет и тепло, скорее неприятный прагматизм и расчётливость. – Никого не пускай. Бегу.

Удивлённо усмехнулась. Невероятно, как она лебезит перед секретарём главного архитектора. Непроизвольно улыбка схлынула с моего лица. Стоп! А разве у главного архитектора есть секретарь? Широко развела руками, пристально глядя на Ольгу Владимировну, которая, непринуждённо положив телефонную трубку, неспешно поднялась со своего «королевского трона». Дамочка бережно поправила свою причёску, словно на её крашеной голове действительно сияла корона.

Не понравилась она мне. Жутко не понравилась. Но выхода не было. Обязана получить должность. Деньги нужны моему брату, а ради него могу что угодно пережить... Колкие, едкие замечания этой женщины — лишь пустой звук.

– Вероника Александровна, так и будете сидеть? – Иронично уточнила она.

Отмерла. Торопливо вскочила с кресла и активно замотав головой, пробормотала, извините, Ольга Владимировна, а разве мы идём не к Олегу Петровичу, – вспомнила, что главного архитектора зовут вовсе не Никита Павлович.

Женщина высокомерно ухмыльнулась, словно я проговорила очередную глупость.

– Никита Павлович Григорьев – директор строительной организации. Вам бы следовало знать об этом, Вероника Александровна, – брезгливо пробормотала она.

Чёрт! Этой женщине явно доставляет удовольствие макать меня носом в известную субстанцию, как нашкодившего котёнка.

Покосилась на неё. Хотя рядом с ней я действительно маленький, беззащитный котёнок, а она опасная, хладнокровная хищница. Только вот я вынужденно молчу и прячу свои коготки. Многого могу стерпеть, пока Ольга Владимировна не трогает мою семью. Ради мамы и братика кого угодно смогу порвать... И провоцировать меня не стоит!

– Вероника Александровна, – заносчиво обратилась она ко мне, кропотливо постукивая пальцами друг о друга, – вы должны знать, кто будет вашим прямым руководителем. Это промах. Но на первый раз прощаю. Но впредь прошу ознакомиться со своим руководством.

Неприятное замечание, но вполне справедливое.

– Хорошо. Прошу прощения.

После наставлений, я и Ольга Владимировна направились к директору строительной компании. Всю дорогу меня мучил один единственный вопрос, зачем простого помощника архитектора представлять директору. Он же меня даже не запомнит. Глупость какая-то!

Зайдя в приёмную, покосилась на красивую секретаршу, которая, одарив нас шикарнейшей, но абсолютно фальшивой улыбкой, сняла трубку и сообщила начальнику о нашем приходе.

– Ольга Владимировна, простите, но зачем мне идти к Никите Павловичу? – Набравшись смелости, тихо проговорила.

Женщина гневно прищурилась. Что она о себе возомнила? Неужели весь персонал здесь до такой степени выдрессированный, что даже рот не может открыть без приказа? Прямо не фирма, а армия какая-то. Не ровён час и заставят строевым шагом ходить.

– Не стоит.

Озадаченно расширила глаза.

– Чего не стоит?

Женщина решительно сократила между нами расстояние, окутывая диким ароматом опьяняющих, но при этом довольно тяжёлых духов, таких же, как её характер.

Вот он аромат-доминанта...

Непроизвольно, действуя инстинктивно, покосилась на широкую, деревянную дверь с золотой табличкой: « Григорьев Никита Павлович – руководитель строительной компании «Берега Надежды».

Есть ли у меня надежда, что руководитель не такой самодур?

– Не стоит задавать глупые вопросы, чтобы потом тысячу раз не извиняться. Вероника Александровна, вы молодая, но всё-таки взрослая женщина.

– Прошу. Проходи, – озвучила секретарша, прервав унижительный монолог Ольги Владимировны.

Женщина моментально сменила выражение лица, вновь нацепив фальшивое дружелюбие.

Боже! Она просто необыкновенная королева лицемерия и фальши.

– Спасибо, Наташа, – на ходу проговорила Ольга Владимировна, уверенным шагом направляясь к кабинету. И остановившись возле двери, она вновь поправила накрахмаленный воротник и одёрнув элегантный, нежно-бежевый пиджак, тактично постучала по поверхности.

Боже! Невероятно. Она даже постучать по-человечески не может. Каждый стук – как чечётку отбивает.

Презрительно поморщилась. Смогу ли я трудиться в организации, где так много фальши. Ясно же что о людях судят по материальному достатку.

Наконец-то она перестала мучить мой слух и широко распахнув дверь, ядовито-слащаво провозгласила, – Никита Павлович, разрешите.

Неторопливо, можно сказать обречённо, последовала за ней и слегка отодвигая дверь, услышала знакомый голос.

– Доброе утро, Ольга Владимировна. Вы, как всегда, пунктуальны.

Сердце сделало кульбит и с грохотом разбилось...

Интенсивно задышала, машинально вдыхая красивый, древесно-смолистый аромат. Не может быть... Такой же аромат заполнял замкнутое пространство лифта. Густой. Дымный. С лёгкой горечью – крепкий эспрессо в полутёмном кабинете. Настоящий парфюмерный эквивалент чёрного костюма с иголочки...

Инстинкты трусливо подсказывали «хватать руки в ноги» и бежать, но мысли о судьбе брата не позволяли податься инстинктам.

– А где же наша кандидатка? – Раздался негодующий властный мужской голос.

– Она! – Встревоженно воскликнула Ольга Владимировна и немного отступив, схватила меня за запястье и вытащила из-за укрытия.

Испуганно смотрела на уверенно сидящего в кресле властного, высокомерного нахала. Мужчина непринуждённо осмотрел меня и равнодушно кивнул.

Облегчённо выдохнула. Глупо было надеяться, что он меня не признал. Но во мне теплилась надежда, что такой серой мышке не придал никакого значения и выкинул из головы утренний инцидент с моим участием.

– Как вас зовут?

Хотела ответить, но от волнения губы онемели, распахивала рот, но звуков не издавала, ощущала себя, как рыба без воды, задыхалась от растерянности, мысленно коря себя за слишком длинный язык и вспыльчивый характер.

– Вероника Александровна Высоцкая, – инициативу взяла на себя Ольга Владимировна. Я же смогла лишь монотонно помотать головой.

Григорьев снисходительно ухмыльнулся, томно обводя меня таинственным взглядом.

– Ольга Владимировна, а у нас что, кандидатка глухонемая? Я не против. Просто нужно было предупредить, чтобы я не ставил девушку в неудобное положение.

Вот же грубиян...

– Нет, Никита Павлович, – собравшись духом, спокойно ответила, хотя внутри всё вибрировало и закипало, – я не глухонемая. Просто немного волнуюсь.

В глазах мужчины блеснул хищный огонёк победителя. Он словно наслаждался своим положением. Конечно, перед ним теперь уже не стояла бойкая девчонка, острым язычком, а робеющая малышка, которая стыдливо опускала глаза и даже имя не могла произнести.

– Простите, Никита Павлович, девочка безумно волнуется. Сами понимаете, должность ответственная.

Изначально Ольга Владимировна вызывала у меня неприятные чувства, но сейчас я ей была ужасно благодарна.

– Я передумал, – как гром среди ясного неба прозвучала его фраза.

Заледенела. Вот же мстительный мужлан.

– Вероника Александровна будет моим личным помощником.

От услышанного вновь потеряла дар речи. Я и он. Он и я. Это как?

– Что? – Даже Ольга Владимировна не смогла скрыть возмущения, она растерянно смотрела на своего начальника, который, по всей видимости, слегка сбрендил.

Никита Павлович недовольно приподнял глаза, строго глядя на Ольгу Владимировну.

– Что случилось, Ольга Владимировна? Теперь я обязан давать вам пояснения?

Женщина шокировано затрясла головой, её лицо моментально стало походить на красный блин.

– Нет. Конечно, Никита Павлович. Как скажете, – она озадаченно покосилась на меня, а затем озлобленно фыркнула и отвернулась, словно к тому что её начальник, поменял решение причастна именно я.

Боже! Да я даже говорить с этим мужланом нормально не могу... Как же стану его личным помощником?

Растерянно поглощала горячий воздух...

Угораздило же так вляпаться?

Представляю, что сейчас будет. Этот самонадеянный, высокомерный мужлан отчитает меня и вышвырнет из фирмы, как нашкодившего котёнка.

Атмосфера накалялась. Стыдливо хотела улизнуть, но так поступают только маленькие дети. Должна быть сильной и несгибаемой. Ничего плохого и постыдного не совершила. Подумаешь, поставила на место заносчивого пингвина в блистательном костюме. Всё бы ничего, но по злему року, именно этот пингвин оказался моим будущим начальником. И благодаря моему длинными, дерзкому языку, будущее никогда не станет настоящим!

Глава № 3. Никита

С неподдельным интересом рассматривал скромную, мило робеющего ангелочка с чертовски соблазнительными, голубыми глазами. Необыкновенно... Кто бы мог поверить, что совсем недавно эта милая девочка откровенно и дерзко грубила совершенно незнакомому мужчине, только потому что я хотел ей помочь.

Удовлетворённо улыбнулся, непроизвольно представляя, какой этот ангелочек сладострастный, чувственный, буквально огонь в постели. Помотал головой, избавляясь от морока наваждения. Удивительно! Сам себе поражался. Раньше меня привлекали совершенно другие девушки. Более роскошные, надменные, на них буквально висела вывеска с ценником.

Изумлённо обвёл взглядом Веронику. Миловидная девочка, изнутри которой исходил тёплый свет. Какова вероятность, что просто устал от разгульной жизни? Покрывил губами. Минимальная. Всё меня устраивало...

Чертовщина какая-то происходила. От одного вида невинного ангелочка, терял рассудок. Желал испить девочку. Погрузиться в тело. Насладиться её молодостью, чистотой.

Чудесная и, одновременно, немного сумасшедшая. Сумасбродная. Непредсказуемая. Живая.

Маленький лучик света...

«Душа как перелётная птица летит к теплу и свету... Удивительно. Даже предположить не мог, что обладаю душой.

Мой взгляд фиксировал неловкие движения малышки. Эта девочка своей непорочной притягательностью должна была позировать для великих художников.

Художник Куинджи писал удивительные картины.

Они светятся. Он писал свет, удивительный свет на всех его полотнах. Эти картины поражали людей неизреченным светом. Они прекрасны. Художника люди отблагодарили так: одни сказали, что позади картин устроен хитроумный осветительный механизм. Электрические лампочки приделаны, вот они и светятся, обманывая публику. Ловкач и хитрец этот Куинджи! Мошенник! Другие сказали: это химия. Всем известно, что Куинджи дружен с Менделеевым. А Менделеев кто? Правильно, химик. Вот Менделеев и дал Куинджи химические светящиеся краски. Каждый дурак мог бы нарисовать химическими красками светящуюся картину. Грош цена таким картинам! Были добрые люди, которые просто сказали: Куинджи продал душу дьяволу. Это совершенно ясно. Вот откуда эта способность писать inferнальный свет на холсте. Добрые люди так не могут. А Куинджи — может. Значит, он недобрый. Злой. Еретик, как минимум. Профессор Академии художеств Клодт сказал, что картины — дрянь. Натыкал берёзок, воду нарисовал и все раскрасил. И все картины одинаковые, вы заметили, господа? Как под копирку! Куинджи перестал выставлять свои картины. Переживал очень. Стал учить студентов живописи. Но на него все равно донос написали. За свет. Донос простой: Куинджи присвоил чужую фамилию, обманом стал художником, он политически неблагонадёжен, и он маньяк! А нечего свет писать. Лишнее это. Если ты видишь то, что другие не видят, да ещё смеешь это писать, про тебя тоже много чего напишут. И Куинджи умер от сердца. Страшно страдал и переживал из-за всего этого. Он забыл, что свет порождает тень. Чем ярче свет, тем чернее тень. Тень зависти, ненависти, скудоумия... Но картины остались. Только немного поблекли; свет стал не таким ярким. Немного повредила картинам тьма зависти и невежества. Но свет все равно остался. Его ещё можно увидеть...

И вот и в наше время сквозь тьму жестоко мира пробивается лучик света...

Привык, что в организацию приходят шикарные красотки, которые напоказ выпячивают свои прелести, заранее зная кто, возглавляет фирму. Но эта глупышка действительно даже отдалённо не, предполагал кто я такой...

Малышка отчаянно скрывала свою красоту, вырядилась так, что без слёз не взглянешь. Но я увидел её настоящую. Дикий огонь в невинных глазах прожёт изнутри. Как же хотелось её обуздать. Нет, не подавить, а мягко приручить. Поработить с помощью ласки и нежности.

Вероника – прекрасное творение небес. Только очень скромная и застенчивая, словно собственной красоты биться.

Б...ь! Разве такое возможно? Женщины испокон веков используют свою красоту, всячески её подчёркивают. А Вероника стыдится своей природной, естественной красоты.

Бред...

– Ольга Владимировна, оставьте нас на пару минут с Вероникой Александровной, – тактично скомандовал, невольно продолжая скрыто наблюдать за стеснительной девочкой, которая испуганно водила невинными глазками из стороны в сторону.

А может играет? Причём очень умело и профессионально.

Внутри громко рассмеялся, внешне демонстрируя полное спокойствие и хладнокровие. Как же забавно было наблюдать за диким ангелочком, которая меньше всего желала оставаться со мной наедине. И вот теперь меня терзал один вопрос. Бойтся? Но чего? Неужели я такой страшный? Почему дрожит?

Как же хотелось проникнуть в её ангельскую головку, а потом оказаться в трусиках.

Готов поклясться, что девочка от стыда готова «провалиться сквозь землю». Невероятно, она реально забавляла меня. Поглощала её живые, настоящие эмоции. Устал от фальшивых девиц, захотелось чего-то новенького...

Правильно говорят, что «наевшись чёрной икры, желаешь чёрного хлеба...».

– Хорошо, – обескураженно проговорила женщина, явно поражаясь моему необычному выбору, но задавать неуместных вопросов более не стала, медленно развернулась и, неспешно перебирая ногами, ушла.

Печать обречённости отразилась на бледном, но прекрасном личике моего ангелочка.

Удивительно! Острый интерес, давным-давно позабытый азарт зарождались в груди.

Необыкновенная девушка. Слегка сумасшедшая, но такая яркая и невинная. Она для меня источник света. Подпитывался от неё, избавляясь от скуки.

Более нам с Вероникой никто помешать не мог. Чёрт! Даже сам до конца не понимал, что делаю. Зачем мне всё это? Эта малышка – живой человек, а вовсе не забавная игрушка, которая скрасит мои вечера и немного позабавит. Но она меня зацепила. Заинтересовала. Подкупила своей искренностью.

– Прошу, присаживайтесь.

Вероника нервно передёрнула плечами, словно я предложил ей сесть на муравейник.

– Да. Спасибо.

Скромная. Очень скромная. Задумчиво пробежал пальцами по подбородку. Неужели и вправду такая стеснительная или же просто кокетничает, стремясь создать ложное впечатление?

Чем большее вглядывался в её личико, тем больше убеждался, что она вовсе не играет. Я её совершенно не интересую. Впервые за долгое время не ловлю чарующего, вожделенного, кричащего взгляда.

Неприступный ангел. Она, реально, словно с небес спустилась. Чёрт! Свалилась с неба на мою голову.

– На каком курсе вы учитесь? – Задал непринуждённый вопрос, чтобы хоть немного снять напряжение.

– На втором. Строительный университет, – её голос звучал уже менее напряжённо, но всё-таки она безумно волновалась, даже не смотрела на меня, уткнувшись глазами в одну точку на полу. – Мне осталось учиться чуть более трёх лет.

– Вероника, посмотрите на меня, – её робость интриговала меня, но всему же есть предел.

Девушка несмело приподняла глаза.

Глядел в её милое личико и вновь утонул в огромных, чистых глазах. Её глаза, как бездонная ночь. Они огромные, словно в них может поместиться весь мир. Глаза как первый снег. От её невинного взгляда терял рассудок. Злиться на неё невозможно. На ангелов не злятся. Их боготворят.

Девочка непринуждённо улыбнулась, словно опять бросив мне укор. Странная девочка, но безбрежно милая и неповторимая.

Рядом и так далека.

В женщинах мужчины больше всего ценят недоступность, а не таинственность, как ошибочно думают сами дамы. Недоступность — вот, что привлекает, манит и сводит с ума. В то время как таинственность вызывает головную боль и непонимание. Женщины в отношениях ошибаются не меньше мужчин. Они часто не могут найти баланс между необходимостью быть недоступной и желанием проявлять активность в отношениях. Первая и самая главная ошибка женщин — чрезмерная активность в начале отношений. Уже стало тенденцией, когда женщина берет все в свои руки. Она первая знакомится, первая звонит и начинает общение, потом сама ухаживает, делает подарки, сама назначает свидания. Окружает мужчину вниманием и заботой. В начале отношений она видит его восхищение. Ему импонирует её поведение, но уже скоро все меняется. Он скуп на эмоции. Её поведение воспринимается им как должное, при этом он со своей стороны не предпринимает активных шагов. Нет ни романтических ухаживаний, ни поступков, которые она ждёт от него. Женщина начинает испытывать сначала недоумение, потом скуку и разочарование, и даже обиду. Но виноваты в такой ситуации в первую очередь сами женщины. Они обманывают сами себя и вводят в заблуждение мужчин. Я всегда говорил и повторяю тебе. Люди могут думать, что угодное, но есть их мнение и есть реальные законы природы. Если ты не понимаешь их и ведёшь себя не в соответствии с ними, то не получаешь то, что хочешь. Женщины, первыми ухаживая за мужчинами, надеются тем самым разбудить в мужчине страсть и желание, они ждут, что мужчины, видя их активность, сами начнут ухаживать за ними. Когда этого не происходит, женщины винят мужчин, не понимая, что сами виноваты в этом. В отношениях с женщиной любой мужчина в независимости от уровня его физического и интеллектуального развития завоёвывает её. Так было и будет. Природа мужчин и женщин такова. Мужчина завоёвывает, а женщина, по сути, выменивает свою личную свободу на поступки, на поведение и заботу со стороны мужчины. Зачем мужчине ухаживать за женщиной, которая сдаётся ему сама и все делает за него. В отношении такой женщины не будет работать инстинкт завоевания. Женская активность в отношениях неплохо, но не сразу, ее надо проявлять только после того как мужчина начал действовать. Своей активностью женщина вознаграждает мужчину за поступки, а не выменивает их у него. Женщины, если они хотят внимания и ухаживаний со стороны мужчин, должны быть не доступны, они не должны отдавать все, всегда оставляя в себе то, что мужчина будет желать получить.

К сожалению, Ксения этого не поняла. В начале наших отношений меня тянуло к ней, страсть дурманила голову, но постепенно чувства охладели. То, что раньше воспринимал как заботу, теперь раздражало меня. Ксюша стала слишком настойчиво. Одним словом, я устал от неё. Каждый день стал похож на другой...

— В будущем вы хотите стать архитектором, — с откровенным скепсисом констатировал, никогда не принижал женский ум, но хорошо понимал, что такая профессия мало подходит девушкам. Тем более таким миленьким, хрупким. Мысленно усмехнулся. Хотя по поводу хрупкости стоит ещё подумать. В лифте она доказала, что далеко не такой беззащитный котёнок и может вполне продемонстрировать свои коготки.

Вероника огорчённо усмехнулась.

— Хочу. Очень хочу.

— Понятно, — иронично проговорил.

Девочка обиженно вытянула вишнёвые губы.

– А вы считаете, что женщина не может быть хорошим архитектором, – и вновь её голосок приобрёл нотки стали.

Утвердительно кивнул.

Девочка разочарованно усмехнулась.

– В обществе бытует мнение, что архитектор – исключительно мужская профессия. Сторонники этого тезиса считают проектирование зданий и сооружений слишком сложной задачей для представительниц прекрасного пола, – вполне логично проговорила она, теперь уже смело и возмущённо глядя на меня, совершенно не пасуя. – Московский метрополитен считается одним из лучших в мире. Особенно восхищает горожан и гостей столицы красота внутреннего убранства станций. Проекты оформления девятнадцать из них были разработаны выдающимся советским архитектором Ниной Александровной Алёшиной. Эта женщина очень ответственно относилась к своим проектам, всегда лично следила за процессом строительства, заставляла трудящихся перестраивать свою работу, чтобы в итоге достичь идеала.

Глубокие познания Вероники поразили меня, её фразы вызвали уважения, она не просто привлекательная девушка, которая отчаянно скрывает свою природную красоту, но и довольно эрудированная девочка.

– Лидия Константиновна уделяла много времени исследованию и освещению проблем архитектуры, писала научные работы и участвовала в крупнейших выставках, – воспользовавшись минутной паузой, добавил я. – За достижения в сфере архитектуры Комарова была удостоена звания заслуженного архитектора России.

Малышка нежно улыбнулась.

– Это правда. Она доказала, что архитектура – это прежде всего искусство. Хотя я нисколько не умиляю вклад мужчин.

Слегка прищурился.

– Так вы думаете, что сможете достичь таких же успехов, как Комарова? Эта женщина прежде всего трудилась на благо общества. Моя же компания прежде всего заинтересована в получении выгоды.

– Понимаю. Но мне нужно зарабатывать деньги. С чего-то нужно начинать.

Шокировано усмехнулся и, вальяжно откинувшись на спинку кресла, ответил, – понимаю, о чём вы говорите, но старт вполне неплохой.

Малышка опять густо покраснела, поздно осознавая, что «сморозила» глупость.

Девочка суетливо завела длинные, волнистые волосы на уши.

– Простите. Я не то хотела сказать. Неправильно выразилась. Со мной такое бывает, когда я жутко волнуюсь, – пролепетала она, прикусывая сахарную губу.

– Я это уже заметил.

Вероника выдохнула.

– Никита Павлович, если вы про инцидент в лифте. То..., – она замялась, собираясь с мыслями.

– Прошу прощения, – с лёгкостью проговорил, хотя виноватым себя не считал, но будучи мужчиной, посчитал нужным произнести фразу, чтобы хоть немного снять напряжение.

Мой джентльменский поступок возымел эффект.

Вероника робко помахала кукольными ресничками.

– Вам не стоит просить прощения, Никита Павлович. Я сама была права. Вы ничего плохого не сделали. А я временами бываю придурковатой, – малышка приглушённо хихикнула.

– Простите. Просто веду себя слишком импульсивно в стрессовой ситуации.

– Вероятно, – невольно прошептал. – Но ты настоящая. Живая, – сам того не заметив, перешёл на более дружеский, нежный тон, подавая женскому обаянию.

Вероника взволнованно обвела меня взглядом.

– Что значит, живая? – Смущённо уточнила она.

Спокойно пожал плечами.

– Живая, это девушка умная, с блеском в глазах, позитивная жизнерадостная, «душа компании», которая умеет поддержать разговор с мужчиной и размышлять этим и заставляет мужчин взглянуть на неё совершенно другими глазами. Мужчинам очень нравится, когда их увлекают. Время от времени напоминания о своих незаурядных интеллектуальных способностях не даёт расслабиться мужчине и заставит постоянно быть начеку. Вот тогда мужчина дважды подумает, прежде чем скормить ей очередную порцию чепухи.

Малышка весело улыбнулась.

– Простите, Никита Павлович, но мне невозможно представить, что вы способны нести чепуху.

Боже! Какая же у неё пленительная, обезоруживающая улыбка. Просто невозможно устоять...

– Ну в лифте я повёл себя грубо. Но у меня не было никаких плохих мыслей.

– Знаю. И если честно, тоже хочу попросить у вас прощения.

Стремительно встал с кресла и, подойдя к девушке, стремительно протянул ей руку.

– Тогда считаю, что инцидент исчерпан.

– Исчерпан, – полностью согласилась она и дружелюбно пожала мою руку.

Тёплая, чувственная, сказочно нежная кожа, прикоснувшись в моей ладони, спровоцировала волну трепетных импульсов.

– Никита Павлович, может, вы отпустите мою руку, – робко прошептала она.

– Что?

Вероника демонстративно опустила глаза, явно давая понять, что наш тактильный контакт непростительно долгий.

– Извини.

– Ничего страшного.

Вероника инстинктивно сделала шаг назад, разделяя между нами расстояние.

– А что будет входить в мои обязанности?

В голове мелькали лишь пошлые мысли, которые рассказать вслух не мог...

– Вероника, ты должна быть рядом со мной весь мой рабочий день. А он иногда длится весь день. Домой возвращаюсь, лишь чтобы поспать.

Девочка явно не ожидала подобного заявления.

– Нет. Простите. Но такой график мне не подходит. У меня очная форма обучения. В основном смогу работать дистанционно.

Звериный азарт блеснул в моих глазах, хотя и ловко скрывал его под маской дружелюбия.

– Не спеши отказываться. Сначала посмотри, сколько готов платить, – повернулся и, спокойно взяв небольшой квадратный листок бумаги, написал внушительную цифру.

Вероника неспешно взяла бумажку из моих рук.

Девочка замерла. Предложение выглядело безумно заманчивым.

Её пальцы сжимали бумагу, глаза шокировано округлились. В ней шла тяжёлая война...

– Вероника, ты сможешь перевестись на заочную форму обучения.

Девочка замотала головой.

– Да. Смогу. Но заочная форма образования не даст мне должных познаний. А я так хочу..., – она замолчала и, медленно опустив веки, уныло усмехнулась. – Хотя какое, кому дело, чего я хочу. Жизнь диктует свои условия.

В эту минуту так хотелось обнять её. Защитить. Приободрить. Просто сказать, что я рядом. Но представляю, как она отреагирует. В лучшем случае отпрыгнет от меня. В худшем получу по роже.

– Никита Павлович, у меня брат болеет. Ради него на многое готова. Если ни на всё.

Недоверчиво поморщился.

Брат болеет...И чем же таким серьёзным болеет её братишка? Или комедию ломает?

Глава № 4. Вероника

Душу охватила болезненная дрожь, больше всего на свете желала заниматься любимым делом, но для этого обязана получить хорошее образование. Мама отчаянно трудилась, брала любую работу, лишь бы её дети выросли достойными, независимыми людьми.

Медленно приподняла глаза и проникновенно заглянула в симпатичное мужское лицо.

– Почему?

Григорьев озадаченно приподнял тёмные брови.

– Не понял? Что почему? – Сильный мужчина сделал маленький, но очень уверенный, властный шаг ко мне, пытливо всматриваясь в мои глаза.

Робко сжалась, инстинктивно ощущая его силу, уверенность, от Григорьева исходили необычные, плохо объяснимые флюиды. Чёрт! Буквально терялась от его пристального, проникающего в самую душу, взгляда.

Насколько бы независимой и сильной из себя не строила женщина, в глубине души, каждая мечтает быть рядом с мужчиной, который своей уверенностью, мужеством и авторитетом способен защитить, оградить от проблем и подставить сильное плечо. Непроизвольно пробежалась взглядом по Григорьеву, лишний раз убеждаясь, что он обладает властностью, авторитетом, способен очаровать, обаять любую женщину и никогда её не отпустит. В его руках любая будет ощущать себя хрупкой и беззащитной, а Никитина Павлович играючи решит любую проблему.

Вот же дурочка! О чём только я думаю. Григорьев мне работу предлагает, а вовсе не замуж зовёт.

– Почему вы хотите взять на работу именно меня? Да ещё готовы платить такие огромные деньги, – приглушённо пролепетала, чувствуя, что с каждым словом мой голос словно тает, растворяясь в воздухе.

Григорьев вальяжно усмехнулся, одарив меня очаровательной и в то же время немного пугающей улыбкой. Опасный огонёк блеснул в тёмных глазах, увеличивая моё напряжение.

– Всё просто, Вероника, я хочу тебя.

От услышанного даже дар речи потеряла. Моё лицо вытянулось, а глаза расширились до невообразимых размеров. Интуитивно поправила ворот кофты, словно стремясь скрыться от его воледеленного взора.

– Вы что такое говорите?

Григорьев попытался ещё больше уменьшить разделяющее нас расстояние, но я оказалась гораздо прозорливее и молниеносно отскочила от него, как перепуганный заяц от страшного, Серого Волка. Только вот Григорьев далеко не страшный, а очень даже привлекательный мужчина...

– Вероника, ты очень красивая девушка. Но чрезвычайно пугливая. Хотя в лифте мне показалась, что вполне способна дать отпор любому.

Выдохнула и яростно взмахнула руками.

– Готова. Даже не сомневайся. Лучше тебе ко мне не подходить. Ясно. Или в противном случае, – судорожно осмотрелась по сторонам и, приметив на столе небольшую статуэтку, стремительно схватила её, явно показывая, что шутить не собираюсь и готова применить любые средства для своей защиты.

Надеялась, что мои действия остудят пыл Григорьева, но мужчина продолжал говорить, хотя более не двигался в мою сторону.

– Твоя непредсказуемость и недоступность крайне забавляет меня, – весело провозгласил он. – Сильные мужчины предпочитают женщин, которых нужно завоевывать, удивлять и

брать штурмом. К тем, которые сами идут в руки и слишком легко сдаются, они быстро теряют интерес и угасают.

Маньяк...Точно, безумец. Разве можно что-то подобное говорить малоизвестной девушке.

– Поэтому крепкие орешки, которых необходимо добиваться, словно неприступную крепость — лучшая добыча для властных кавалеров. Во-первых, это всегда держит в тонусе и заставляет проявлять все качества альфа-самца. Во-вторых, именно такая женщина станет идеальной второй половиной для того, кто не знает, куда направить свою безудержную мужскую силу.

Крепче сжала статуэтку, демонстрируя, что готова в любую секунду проверить, крепкий ли у него орешек на голове.

– Стойте на месте, – прорычала я.

– Хорошо, – он демонстративно отошёл. – У тебя понял. Услышал.

Сжимая своё орудие защиты, не отрывая от него глаз, попятилась, как каракатица, реально опасаясь, что этот сумасшедший, бесстыжий мужик набросится на меня.

Внезапно оступилась и едва не грохнулась и в этот самый момент почувствовала, как сильные мужские руки моментально подхватили меня.

Застыла, ошарашенно глядя на своего спасителя или палача.

– Пусти. Немедленно пусти. В противном случае..., – Григорьев обаятельно улыбнулся и, плавно прижав пальцем мои губы, помотал головой.

– Вероника, у тебя большие проблемы с юмором, – трепетно прошептал он, вынуждая меня присесть на диван. – Ты добрая, милая и не скрою, очень забавная девушка. Ты настоящая. И как мне показалось совершенно немеркантильная, похотливая девушка, которая спит и видит, как бы оказаться в моей кровати.

Нервно кивнула, невольно подтверждая его фразы.

– Слушай, – вмиг Григорьев оказался возле меня, торопливо присев на диван. – Ты умная. Эрудированная девушка. Убеждён, что с тобой мне будет очень комфортно работать.

Пальцы дрогнули, и я едва не уронила статуэтку.

– Так. Подожди. Давай без вредительства, – мужчина бережно взял из моих рук статуэтку.

– Эта штука невероятно дорогая.

Изумлённо покосилась на бронзового танцующего слона...

– Этот кошмар стоит больших денег?

– Да. Именно. Чтобы ты знала, Ганеша, танцующий на змее, старинная бронзовая статуэтка.

Приглушённо хихикнула.

– Статуя с наработанным высокочастотным каналом божества, предназначена для создания алтаря, для просьб и подношений, оздоровления, чистка пространство от негатива. Создаёт движения созидающей энергии, оказывает благоприятное воздействие на эгрегор компании, цели которой связаны с коммерческой деятельностью, – очень серьёзно, со знанием дела пояснил он.

Недоверчиво покосилась на него. Григорьев опять издеваться надо мной...Никогда не поверю, что такой серьёзный мужчина увлекается подобными, крайне сомнительными вещами.

Григорьев неторопливо и бережно поставил источник канала божества на небольшой столик.

– Вот уж не думала, что вы увлекаетесь такими вещами?

– Не увлекаюсь. Мама привезла мне в подарок из Индии. Сам не в восторге от этого слона, но мама – это святое. Согласна?

Утвердительно помотала головой.

– Да. Конечно. Вы совершенно правы, – немного успокоившись, вновь перешла на официальный тон.

Григорьев лукаво прищурился.

– Вероника, давай договоримся. Что когда мы наедине, мы будем обращаться друг к другу на «ты». При людях продолжим сохранять официальный тон.

Смущённо ухмыльнулась.

– Никита Павлович, вы слишком торопитесь. Я ещё не дала своего согласия. И не уверена, что смогу принять.

Мужчина напряжённо опустил брови.

– Ника, только не говори, что моя шутка так тебя напугала. Ты же не думаешь, что я рассматриваю тебя в качестве сексуального объекта?

Его слова должны были меня приободрить, но почему-то стало горько и несказанно обидно. Действительно, только такая дурочка, как я могла поверить, что Григорьев заинтересуется мной.

Убеждена, что он имеет парочку секретов, как свести с ума женщину. Очевидно, что с таким, как Григорьев, девушки легко заводят романтические отношения.

Глядела в его глаза и верила, что он человек чести, который всегда остаётся верен своим принципам и умеет себя постоять. Он не пытается строить из себя того, кем не является, не надевает маски, гордится собой и ценит то, что имеет. Это мужчина с большой буквы, который чётко знает чего хочет, и напролом идёт к собственным целям. Рядом с ним женщина будет чувствовать себя как за каменной стеной, которая защитит и оградит её от всего. Он благороден, честен и имеет широкую душу, поэтому женщина хочет стать такому человеку надёжным плечом, в котором можно всегда быть уверенным.

Дёрнулась как ошпаренная от собственных мыслей...

Учащённо задышала и стыдливо отвела глаза в сторону...

– Вероника, почему ты никогда не смотришь мне в глаза?

Смущённо перевела глаза на мужчину.

– Не знаю. Просто ваше предложение очень внезапное. И если честно, мне кажется, странным. С двойным дном, – не привыкла ходить вокруг да около, сказала всё, что у меня в голове, утаив свои волнения.

Сама не понимала, что именно происходит со мной рядом с этим человеком. Но одно знала точно, воспринимать его, как банального начальника не могла.

Руки задрожали и моментально похолодели, Григорьев медленно, чтобы не спугнуть меня, накрыл широкой, горячей ладонью мои пальцы.

– Вероника, поверь, что девушек для страстных ночей мне хватает. А вот с профессионалами. Хорошими, эрудированными собеседниками, есть проблемы.

Странно. Он читает меня профессионалом, хорошим собеседником, это должно мне польстить. Порадовать. Потешить самолюбие, но вместо этого вновь к горлу подступала горечь.

– Я предлагаю тебе лишь деловые отношения. И ничего более, – Никита Павлович улыбнулся. – Даю тебе хороший шанс. В моей фирме ты сможешь самореализоваться. Это неплохой старт.

Неплохой старт к разбитому сердцу и разрушенным мечтам.

Вдруг, как вспышка, перед глазами появился образ маленького братика. Вот же эгоистка... Стёпка каждую секунду борется за жизнь, а я переживаю волнительные моменты, попадая под очарование мужчины, который не видит во мне девушку.

– Никита Павлович, у меня есть время подумать? – Уверенно уточнила, медленно убирая пальцы из-под его ладони, которая вмиг ослабела и упала на мои колени.

– Прости. Не думал, что ты так резко руки уберёшь, – равнодушно буркнул он.

Кивнула.

– Конечно.

– Слушай. Готов дать тебе столько времени, сколько понадобится.

– Поняла. Спасибо, – сухо пробормотала. – Тогда я пойду.

Мужчина лениво помотал головой.

Неторопливо встала с дивана и побрела к двери, чувствуя его пристальный взгляд на спине.

В душе зарождалась чёрная, высасывающая жизненные силы, дыра. Привыкла, что мужчины не особо обращают на меня внимание, от избытка мужского внимания никогда не страдала и относилась к этому нормально. Давно смирилась, что я серая мышка. В отличие от своей сестры Виктория, которая несмотря на наше внешнее сходство, умело использовала свою внешность и легко привлекала парней.

– Ника, – внезапно услышала голос Никитины Павловича, когда была уже у самой двери.

Плавню повернулась к нему.

Мужчина заинтересованно нахмурился.

– Я, действительно, заинтересован в тебе. Готов даже увеличить сумму.

Устало вздохнула.

– Хорошо. Я вас услышала.

Если не научиться зажигать свою душу, можно всю жизнь прожить в темноте.

По-разному это люди делают: кому-то достаточно искорки от свечи, кому-то блёстки от лучика солнца, а кому-то подай факел, как часть общего огня жизни.

– Вероника, ты всё правильно делаешь. Уверен, что каждый получит желаемое.

Удручённо усмехнулась.

– Меня меньше всего волнуют деньги. Если бы не обстоятельства, то обязательно бы продолжила учиться.

Никита Павлович надменно сверкнул зубами.

– Деньги – это свет в темноте кошелька. Такова жизнь, Вероника.

Глава № 5. Никита

Маленький, светловолосый ангелок с огромными, наивными глазами никак не выходила из головы. Непроизвольно представлял, как Вероника краснеет в самый интимный момент, как её сладкие губки робко сжимаются, чистые глазки наполняются страстью, греховным, неконтролируемым желанием.

Чёрт! Невероятно... Забавная серая мышка провоцирует во мне целую массу давно позабытых эмоций. Вероника, сама того, не понимая, привносила новые краски в мою жизнь, пробуждала азарт, инстинкт охотника, завоевателя.

– Никитос, очнись, – звонко провозгласил друг и, как только я приподнял на него встревоженный взгляд, приглушённо рассмеялся, приподнимая стакан с виски. – Ты реально увлёкся этой простушкой?

Сложный вопрос, однозначного ответа, на который просто не существовало.

Говорят: «мужчины любят глазами». Фраза старая, бородастая, как тост на свадьбе. Но чем больше смотришь вокруг, тем яснее становится: всё гораздо сложнее. Красота сама по себе – как красивая витрина без содержимого. Вначале, может, и заманит, но надолго ли?

На деле мужчины замечают совсем не только внешность. Иногда влюбляют жесты, смех, манера разговора или то, как женщина поправляет волосы, когда волнуется. Порой зацепит случайная интонация, и вот – уже что-то внутри перевернулось. «Любовь начинается с мелочей» – это не просто красивые слова.

Лет десять назад верил в любовь, но постепенно осознал, что наш мир слишком меркантильный и прагматичный. Здесь любовь просто не выживет. Или всё-таки слабый свет ещё присутствует, даря надежду...

– Знаешь, Лёха, есть в ней что-то необыкновенное. Вроде простая девочка, но с огоньком, – невольно нежно улыбнулся, совсем позабыл, когда последний раз улыбался при мысли о девушке. – Б...ь. Сложно объяснить свои чувства.

Друг посмотрел на меня как на сумасшедшего, словно я прибываю в бреду.

– Слушай, если тебе нужна эта простушка для банального развлечения, то я ничего против не имею. Но, брат, даже не вздумай серьёзно ей увлекаться. Эти наивные малышки только с виду такие ангелочки. Но на самом деле ими всеми движут меркантильные интересы.

Утверждения Алексея звучали довольно грубо и высокомерно, но имели под собой определённую основу, сложно было ему парировать.

Состоятельный кавалер – это всегда желанная партия для любой женщины. Он многого добился в жизни, обладает авторитетом и, словно добрый волшебник, сможет решить множество проблем дамы. Однако, по иронии судьбы, далеко не все богатые мужчины горят желанием связать свою жизнь с бедной избранницей. Причём буквально каких-то нескольких десятков лет назад такие союзы были нормой, а сейчас обеспеченные женихи ищут себе невест под стать.

И я далеко не исключение. Действительно, старался найти хорошую жену среди своего круга, но безумно устал от фальшивых, накаченных красоток, которые поглощены лишь собой.

Самые длительные отношения у меня были с Ксенией Мироновой, дочерью хорошего друга отца. Первое время она меня притягивала и прежде всего в сексуальном плане, но постепенно интерес к ней угасал. Кроме денег, неплохой фигуры и шикарного секса нас ничего не связывало. Вероятно, я последний романтик, но так хотелось банального женского тепла, уюта, естественности, звонкого, искреннего смеха.

Пи...ц! Но как только увидел Веронику, которая на ровном месте взбунтовалась в лифте, внутри что-то дрогнуло.

– Брак с богатым мужчиной — голубая мечта для многих женщин. Однако сказка о том, как принц женился на бедной крестьянке, остаётся только сказкой, а в жизни всё бывает гораздо расчётливее.

Усмехнулся и, вальяжно откинувшись на спинку кресла, непринуждённо помотал головой.

– Глупостей не говори. Ни о какой свадьбе не может быть и речи. Мне просто приятно общаться с этой девушкой. Хочу ей помочь. Может даже подружиться.

Лицо Алексей окаменело, его словно зацементировали.

– И давай без гримас. П...ц, у тебя на морде.

Друг ожил.

– Ты что, серьёзно? Ты хочешь подружиться с бабой? И что ты думаешь с ней делать? Будете вискарь бухать и о женщинах разглагольствовать? – Ядовитая иголка в виде колких вопросов полетели в мою сторону. – Нет, братан, – сурово проговорил он, надменно поправляя дизайнерский галстук. – Эта девочка тебе вовсе не для дружбы нужна. И меня обманывать не стоит.

Лениво ухмыльнулся. Алексей слишком долго меня знал и читал как распахнутую книгу.

– Ты только на крючок к этой девочке не попадись. Повторяю, тебе, Никитос, с этими простушками надо держать «ухо остро», – черты лица Алексея заострились, гнев исказил его взгляд, он слишком хорошо знал, о чём говорит. – Рождаются в нищих семьях, получают психологическую травму из-за постоянной нехватки денег в семье, и, у них формируется фобия. Из-за того, что их отцы были нищebroдами, они и стали меркантильными при поиске жениха. Причина их ненависти к нищим или малообеспеченным мужчинам это их родной отец-нищebрод. Но, они в этом не хотят признаваться - легче повесить всю вину на посторонних мужчин и на отсутствие настоящих мужчин в стране. Раз уж они считают, что мужчина должен обеспечивать всевозможные расходы в браке, то они должны задавать себе вопрос – «А обеспечивал ли их родной отец их же родную мать во всем в чём она нуждалась?»

С сожалением кивнул.

– Лёха, не все женщины похожи на твою мать. И уж прости меня, но ты бы тоже не спешил её осуждать.

Друг озлобленно сверкнул глазами.

– Дело вовсе не в моей матере-шлюхе, которая сбежала от отца к богатому папику. А потом, как отец разбогател, решила вернуться, – он громко поставил пустой стакан на стол, чувствовал, как наша банальная посиделка стала напряжённой.

Улыбнулся и, расслабленно подавшись вперёд, проговорил, – ладно, Лёха, давай больше не будем обсуждать женщин. Хорошо.

Сидоров лукаво прищурился.

– А что насчёт Ксюши? Ты реально решил с ней порвать?

– Да. Думаю, что наши отношения давно сошли на нет.

Друг ещё сильнее нахмурился.

– Ты бы не спешил с выводами. Ксения Михайловна Миронова — отличная кандидатура.

А вот теперь, — лукаво улыбнулся я, проницательно блуждая по лицу друга. Знал, что Лёха давно питает симпатию к Ксюхе, но как настоящий друг вёл себя сдержанно, ни делая никаких намёков.

– Давай начистоту, – спокойно предложил. – Она тебе нравится?

Алексей кивнул.

– Нравится. И тебе об этом хорошо известно. Но у меня нет никаких шансов. Она буквально одержима тобой.

Тяжело вздохнул. Возможно, слово «одержимость» не совсем подходит для Ксении, скорее она крайне обижена на меня. Миронова не привыкла к отказам, наш разрыв воспринимает не как взрослая женщина, а как маленький, капризный ребёнок.

– Это пройдёт, – уверенно констатировал. – Ксюша перебеситься и со временем осознаёт, что мы слишком разные люди. Не стоило мне, вообще, с ней встречаться.

Сидоров вальяжно разлил дорогой виски по стаканам.

– Этот бокал я хотел бы выпить за всех женщин! Они для нас — бальзам. А точнее – пожалуйста: русская женщина – это русская водка; грузинка – это грузинское вино; армянка – это армянский коньяк; чешка – это чешское пиво. Остальные женщины – это ликеры, ромы, виски, джины и так далее, – восторженно проговорил друг.

Ликующая улыбка озарила моё лицо, и я моментально подхватил, – может, лучше выпьем за здоровье?

– Выпьем за здоровые отношения, – проговорил Алексей и торопливо сушил ёмкость.

Робко усмехнулся и немного, пригубив горячительного напитка, поставил стакан на стол.

– Никитос, а если честно, а думаю, что Ксюха перебесится, – поморщившись, сказал друг, закидывая в рот зелёные ягодки винограда. – А вот что ты будешь делать с её отцом? Миронов давно грезит видеть тебя в качестве своего зятя.

Удивлённо округлил глаза.

– Ты лишнего не фантазируй. Мы о свадьбе с Ксюхой даже не говорили.

Друг помотал головой.

– Это ты не говорил о свадьбе. А Ксюша безумно хочет замуж. Да и твой отец не против такого взаимовыгодного союза. Как говорится, «деньги к деньгам».

Да... Полный капец, только вот капитулировать не собираюсь. «Без меня меня женили», это точно не про меня...

Никогда и никому не позволял вмешиваться в свою личную жизнь. И жениться ради увеличения статуса и богатства не собирался.

– Лёха, Михаил Иванович – суровый мужик, но вполне нормальный и коммуникабельный. Не думаю, что у меня будут с ним проблемы.

Сидоров таинственно усмехнулся, его улыбка не предвещала ничего хорошего, он явно не поддерживал меня.

– Не знаю, Никитос. Но на твоём месте бы я был поосторожнее. Никому не пожелаю такого врага.

Хищная, опасная усмешка зафиксировалась на моих губах.

– А такого врага, как я, пожелаешь?

Друг мигом отрезвел.

– Нет. Не пожелаю.

– Вот именно, Лёха. Думаю, что у меня с Мироновым по-прежнему всё будет ровно.

И когда ночь была готова принять меня в объятия, вернулся в свой роскошный, но одинокий особняк.

– Рома, завтра, как всегда, – проговорил своему водителю, покидая салон автомобиля.

– Понял вас, Никита Павлович. В семь утра у вас.

Медленным шагом, безмятежно вдыхая тёплый весенний воздух, направился к дверям.

Невольно остановился у высокой, мраморной, дорогой, но такой холодной и даже отталкивающей лестнице.

Как же давно я просто не гулял... Тихим шагом не прогуливался по парку, не любовался ясным небом. Вечные командировки, безумные тусовки отбирали слишком много сил и времени. И вот ближе к тридцати захотелось домашнего тепла и уюта.

И вдруг в голове мелькнул сияющий образ моего дикого ангелочка из лифта...

Обречённо хохотнул, устало опуская руки в карманы брюк.

Семья, дом, дети. Всегда был от этого всего страшно далёк, думал, что у меня всё впереди, а вот теперь стал задумываться, что просто не встретил свою единственную. Лихорадочно замотал головой. Наверно, слишком много выпил, вот и лезут в голову всякие глупости. Я совершенно ничего не знаю про эту Веронику. Нельзя исключать вероятность, что у дикого ангелочка есть парень.

Разъярённо оскалился. Проклятие. Даже сама мысль о том, что у неё есть парень, приводила в состояние бешенства...

И пока я стоял как вкопанный возле лестницы, входная дверь распахнулась и в ярком свете показалась Ксения.

Девушка в соблазнительном платье с глубоким вырезом на груди, небрежно облокотилась о дверной косяк.

– Может, зайдёшь в дом?

Нахмурился и вяло усмехнулся.

– Очень мило, Ксюша, приглашать меня в собственный дом.

Девушка нахально хохотнула.

– А мне бы так хотелось, чтобы этот дом стал нашим. Заходи, Никита, у меня есть для тебя ошеломляющая новость.

Усталость как рукой сняло. Страшно не понравился тон Ксении.

– Что ещё случилось? – В считанные секунды преодолев лестницу, серьёзно проговорил.

Ксюша резко захлопнула за мной массивную дверь.

– Поздравляю тебя, дорогой. Ты скоро станешь папой.

Глава № 6. Вероника

Морозный вечер опускался на улицу. Неспешно следовала по заснеженной тропинке за своей подругой.

– Ника, ну ты же несерьёзно? – С искренней печалью в голосе проговорила Лиза.

Выдавила из себя улыбку, скрывая волнение и острое переживание. Страшно не желала переводиться на заочное обучение, но ради спасения Стёпы, это лишь малая жертва.

– Да. Я абсолютно серьёзна.

Подруга нахмурилась и, лениво скинув пару снежинок с моего плеча, прошептала, – понимаю, что ты вынуждена так поступить. Но мне так жалко, что...

Она внезапно замолчала.

– Что я?

Девушка вздохнула.

– Что ты теперь не будешь учиться вместе с тобой. Ты единственный человек в группе, с которым я смогла найти общий язык.

– Лиза, но я же не на Луну улетаю.

– Это правда. Но как я буду без тебя. Теперь с этой работой ты на меня будешь тратить меньше времени.

Непроизвольно помотала головой. Здесь Лизон права. Понимала, что Григорьев готов платить очень даже неплохие деньги, но взамен будет требовать максимальной выкладки. Даже до конца не осознавала, смогу ли я как и прежде проводить вечера с друзьями.

Угрюмо опустила глаза.

– Эй, родная! – Внезапно воскликнула подруга и нежно прижала к себе. – Не расстраивайся. Я веду себя как эгоистка.

– Нет, Лиза. Дело вовсе не в этом. Просто до конца не убеждена, что поступаю правильно.

Елизавета резко отстранилась от меня и, пытливо вглядываясь в мои глаза, проговорила,

– Ника, а ты мне всё рассказала?

– Да. Всё.

Подруга нахмурилась.

– Ладно. Ну хотя бы Расскажи мне про этого Григорьева? Он нормальный мужик.

Изобразила удивление.

– Лиза, что за вопросы?

Девушка хитро прищурилась.

– Нормальные вопросы. Просто папа говорил, что Григорьев – самый настоящий джентльмен. И вообще, очень даже завидный холостяк.

Густо покраснела.

Взволнованно провела холодными пальцами по щекам, вспоминая шикарного мужчину, рядом с которым терялась, утопая в чёрных, бездонных, прожигающих глазах.

Бесспорно, многие девушки мечтают о таком сильном, уверенном, успешном мужчине, рядом с которым легко становишься маленькой, беззащитной девочкой. Только вот где он, а где я?

– Глупости говоришь, Лиза, – недовольно буркнула. – Никита Павлович интересуется мной лишь как начальник. И его статус меня совершенно не волнует. Тем более что у меня есть Петька.

Лиза хохотнула и, вальяжно нацепив ядовито-зелёные перчатки, снисходительно прошептала, – боже, Ника, ну ты не можешь говорить серьёзно. Петька – парень неплохой, но такой тютя.

Гневно поморщилась, давая понять, что оскорблять парня не позволю, но мой грозный взор не возымел эффекта, Елизавету невозможно было остановить.

– Ты можешь встретить мужчину, который выглядит прилично, говорит правильно, улыбается, обещает горы свернуть..., но за всем этим пустота, мягкотелость и страх, – с хладнокровной уверенностью выдавала подруга, грубую, но неоспоримую правду жизни. – Он не мужчина, он тюфяк: аморфное существо, которое течёт по жизни, как желе по тарелке. С виду человек. На деле вечный «я подумаю». Он вроде бы рядом, но не держит удар. Он не решает, он колеблется. Не ведёт, он плетётся. И если ты попадёшь в такую связь, готовься: вместо плеча рядом окажется подушка, вместо опоры -вечная неопределённость.

– Хватит, – прикрикнула я. – Не надо оскорблять Петю.

Лиза токсично усмехнулась.

– Ника, а давно ли, правда, стала оскорблением? – Она капризно топнула ногой. – Тюфяк не живёт, он терпит. Он всегда «временно» не готов: не к решению, не к разговору, не к действиям. Он ждёт идеального момента, подходящего случая, чужой инициативы. Он не принимает решения, он от них прячется. Если вы только познакомились, он может тянуть с первым шагом. Если уже встречаетесь, он тянет с серьёзным разговором. Если вместе живёте, он тянет с предложением. И всегда у него «не сейчас»: работа, усталость, стресс, непонимание. Запомни: мужчина, который не принимает решений, уже сделал одно: не брать ответственность.

Обессиленно помотала головой и, стремительно обойдя подругу, не желая более продолжать разговор, торопливым шагом побрела к метро.

– Лиза, подожди. Ты куда? – Прикрикнула девушка и молниеносно устремила за мной.

– Да подожди ты, – поймав меня за руку, заставляя против воли остановиться.

Возмущённо обвела подругу взглядом, медленно прожигая её глазами.

– Лиза, нельзя оскорблять других людей. Ты привыкла к другим парням. С возможностями. Деньгами. Связями. Петя для тебя простой парень. Но для меня вполне подходит.

Елизавета родилась и выросла в богатой, обеспеченной среде. С детства её окружали мажоры, которые легко сорили деньгами, привлекали своей наглостью, вседозволенностью. Я же из другого мира.

– Подходит, – яростно фыркнула Лиза. – Для чего подходит? Знаешь, Ника, вот что я тебе скажу. Рядом с тюфяком женщина неизбежно берёт роль лидера. Она решает, планирует, вытаскивает, объясняет, вдохновляет, а потом выгорает. Сначала ей кажется, что она «поможет ему раскрыться». Потому, что «он просто устал». А потом она вдруг понимает: он таким был всегда. Мужчина-тюфяк не становится сильным. Он не взрослеет, не преобразается, не «раскачивается». Он просто ищет женщину, которая возьмёт всё на себя.

Обречённо замотала головой, поражаясь жестокому цинизму подруги.

– Лиза, если ты сейчас не прекратишь, но мы крупно поругаемся.

Подруга недовольно покривила губами.

– Ладно. Я тебя поняла. Спорить с тобой бесполезно, – как ни странно, она согласилась со мной. – А теперь пошли. Я тебя домой подвезу. Уже поздно.

Только приоткрыла рот, чтобы согласиться, как неожиданно возле нас остановился шикарный автомобиль марки «Мерседес», который идеально вписывался в зимнюю атмосферу, блестя серебристым цветом.

– Это твой новый друг?

Лиза шокировано замотала головой.

– Нет. Не помню, чтобы у кого-то из моих друзей была такая тачка.

Озадаченно покосилась на девушку.

Спустя секунду наше негодование было решено. Из салона вышел владелец дорогого авто.

От удивления даже дар речи потеряла.

Григорьев собственной персоной. Стильный и безупречный мужчина в холодный, зимний вечер, как по мгновение волшебной палочки оказался возле меня.

– Добрый вечер, девушки.

– Добрый вечер, – шокировано пролепетала Елизавета, слишком откровенно впиваясь заворожённым взглядом в Григорьева, даря ему соблазнительную улыбку.

Робко потупила взор...

Хорошо понимала Лизу. Григорьев чарует собой, невольно приковывая взгляд.

– Вероника, а ты не представишь меня своей подруге? – Непринуждённо предложил Григорьев.

Вздрогнула.

– Что? Да. Конечно, – перевела лихой взгляд на шокированную Елизавету, которая явно не ожидала, что среди моих знакомых есть такие умопомрачительные богатые мужчины в костюме «Армани» с интригующим взглядом и обаятельной улыбкой.

Повернулась к Лизе.

– Елизавета, познакомься. Это Григорьев Никита Павлович. Мой будущий начальник.

– Правда? – Подруга кокетливо подмигнула мне и, протянув руку, пожала ладонь Григорьева. – Очень приятно с вами познакомиться. А я подруга Ники. Меня зовут Лиза.

Григорьев благородно кивнул.

– И мне очень приятно познакомиться. Могу ли я подвести вас домой.

Смущённо замотала головой.

– Да. Вы меня очень выручите. Хотела подвести Веронику домой. Но безумно опаздываю. У меня кошка с голоду умирает. Каждая минута на счету.

Вот же сумасбродная, неадекватная девчонка, да ещё и сумасшедшая врушка. Какая кошка? Что она несёт?

– Да. А вы подвезите Нику. Вы меня очень выручите, – сумасшедшая подруга подлетела к моему окаменевшему телу и строптиво подтолкнула прямо в объятия Григорьева.

Миг и я оказалась в тёплых, сильных, надёжных руках Никиты Павловича. На мгновение время застыло, пристально глядела в его небесные глаза и невольно любовалась.

Его глаза, как два бездонных океана. Глаза, в которые хочется нырнуть, не раздумывая. Эти океаны завораживают, манят и влекут. Они и обласкают, они и сожгут, они чисты и искренни, они не солгут... Нырнуть в них не каждая решится... Лишь та, которая утонуть не боится...

Тысячу импульсов пробежались по телу. Вздрогнула и испуганно отстранилась от мужчины.

Григорьев усмехнулся и, посмотрев вслед удаляющейся Елизаветы, весело констатировал, – забавная у тебя подруга.

– А вы, Никита Павлович, настоящий дипломат. ловко завуалировали.

Мужчина вопросительно приподнял брови.

– Лиза не просто забавная. А сумасшедшая.

Григорьев звонко рассмеялся, вновь чаруя меня.

– Возможно. Наверно, она влюблена.

– Почему вы так решили?

Григорьев пожал плечами.

– Влюбляясь – мы становимся сумасшедшими, ревнивыми, собственниками, эгоистами, жадными, с диким желанием забрать любимого человека от всего мира. Спрятать его ото всех, и любить, любить. Любить.

А когда любовь взаимна – это безумие. Самое лучшее безумие, что может с нами случиться.

Григорьев бережно, но довольно уверенно обхватил мою руку.

– Поехали.

– Куда? – Растерянно проговорила.

Никита Павлович нежно улыбнулся.

– А куда ты хочешь? – С проникновенной хрипотцой проговорил он, медленно наклоняя голову.

Боже! Сердце предательски вздрогнуло, язык приклеился к нёбу, как смущённая девочка смотрела на него, робея, краснея.

– Скажи, Вероника, куда ты хочешь поехать?

Жар пробежался по моему телу...

– Не знаю.

– Не знаешь, – трепетно проговорил он. – Тогда позволь мне решить, куда мы поедим, – он властно развернул меня к автомобилю и буквально усадил в салон.

Возможно, слишком поздно, но справедливый протест пробудился во мне...

– Никита Павлович, я домой хочу. Мой дом совсем недалеко от метро. Не стоит вам беспокоиться обо мне. Спасибо, – отмерев, проговорила, как только он захлопнул дверь и оказался в автомобиле.

– Ты меня совершенно не беспокоишь. Тем более что мне по пути.

– По пути? Вы что знаете, где я живу?

Григорьев усмехнулся, глядя на меня, как опытный, мудрый, искушённый мужчина на маленькую, наивную дурочку.

– Знаю, Вероника. Я всё про тебя знаю.

Глава № 7. Вероника

Медленно автомобиль Григорьева заехал на территорию вблизи моего дома. Робко осмотрела серые, унылые пятиэтажки, которые совершенно не привыкли к такому дорожному транспорту. Никогда не стыдилась своей бедности, в принципе мне всего хватало. Спасибо маме, но сегодня морозным вечером впервые стало неловко... Рядом с Никитой Павловичем ощущала себя оборванкой, маленькой, серой девочкой.

Глупая. Какая же я глупая! Для Григорьева я всегда буду лишь обыкновенной, незаметной девчонкой. Таких как я тысячи, если не миллионы.

Смущённо покосилась на сильного, властного, влиятельного мужчину...

Со времён Адама и Евы, люди делают одну и ту же ошибку: желая добра они привлекают к себе и зло, потому что одно не бывает без другого и познаётся в сравнении с противоположным. До того, как они вкусили запретный плод, они даже не знали, что такое познание, тем более не зная ни зла, ни добра. Блажен тот, кто ничего не ищет и не желает себе большего, чем у него есть.

А я желаю... Борюсь с собой, но желаю запретного мужчину, которому не суждено стать моим.

– Спасибо вам, – робкого проговорила, когда мужчина припарковался возле моего подъезда.

Григорьев нежно улыбнулся.

– Не за что, Вероника, – трепетно-трепетно прошептал он моё имя, словно наслаждаясь. – Мне было приятно с тобой пообщаться.

Невольно, смущённо кивнула и, выдохнув, попыталась снять с себя ремень безопасности, но получилось крайне неловко. То ли от волнения, то ли просто заклинило механизм, но ремень никак не поддавался.

– Подожди, – ласково скомандовал мужчина и, подвинувшись ко мне, бережно накрыл мою руку.

Волна смущения накрыла с новой силой. Ощущала теплоту, нежность его рук и замирала. Смотрела на него и утопала в его огромным, пленительных глазах.

– Не переживай. Такое бывает, – прошептал он, помогая мне освободиться от ремня. – Главное — не торопиться. Мы же никуда не торопимся. Или я так тебе надоел, что ты желаешь побыстрее от меня избавиться?

Непроизвольно замотала головой, против своей воли поглощая дурманящий мужской аромат.

Иногда кажется, что понятие «мужчина с сильным характером» уходит в прошлое. Как образ из чёрно-белого кино: прямая осанка, спокойствие в глазах, внутренняя твёрдость, от которой веет уверенностью. А сейчас – часто как будто всё наоборот. Метания, жалобы, избегание ответственности... И женщины начинают задумываться: а что вообще значит – быть сильным? Как распознать того, за кем действительно можно пойти?

Ловила себя на мысли, что передо мной настоящий, сильный мужчина...

Мужчина с сильным характером не стремится к безошибочности. Он просто не боится ошибиться. Он понимает: важнее двигаться, чем застрять в вечном «взвешивании». Он принимает решение и идёт вперёд. Если понял, что что-то пошло не так – не теряется, не перекладывает вину, а спокойно корректирует маршрут. Это – зрелость. Это – опыт.

Григорьев – манящий, запретный плод...

– Ника, я тебе надоел? Слишком навязчивый?

– Что? – Провозгласила я, как только щёлкнул механизм, и я наконец то избавилась от ловушки. – Нет, конечно. Как вы могли так подумать?

Принялась усердно оправдываться, постепенно осознавая, что становлюсь рассеянной рядом с этим мужчиной. Странные, плохо объяснимые эмоции зарождаются во мне. Григорьев слишком соблазнительный, притягательный, но совершенно запретный.

– Ну не знаю. Ты почему-то постоянно смущаешься? – Неожиданно он перевёл руку на моё лицо и не отрывая своего взгляда от моих глаз, аккуратно убрал локон волос за моё ухо. – Ника, твоя скромность привлекает меня. Но тебе не стоит так сильно робеть и краснеть при каждом моём слове. Ты, реально, стесняешься меня.

Непринуждённо пожала плечами.

– Это скорее не стеснение, а уважение. В скором времени вы станете моим начальником. И мне кажется, что нам не следует переходить границы.

На миг в глазах мужчины сверкнуло неодобрение, сожаление, а возможно даже и разочарование.

– Понимаю тебя, Вероника. И вероятно, что ты права. Тем более, что я так понимаю, что у тебя есть молодой человек?

– Да. Есть.

Григорьев резко отстранился от меня.

– Ясно, – враждебно проговорил он, словно я призналась в чём-то постыдном, непристойном, не оправдала его надежды. – Ладно. Думаю, что тебе уже пора. Не смею более задерживать.

Шокировано замахала ресницами. Вот же странный человек. Секунду назад вёл себя как галантный мужчина, а теперь превратился в грубияна. Откуда такие перемены? Неужели его разозлило наличие у меня молодого человека? Нет. Не может быть...

– Ника, у тебя с твоим парнем всё так серьёзно? – Внезапно прорычал он, как только я распахнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.